

Часть вторая.

УРОКИ КУЛЬТУРЫ

Ни в какой иной стране литература... не оказывает такого глубокого непосредственного влияния на интеллектуальное развитие молодого поколения...

П. А. Кропоткин, 1899

- Глава первая. ПЕРВОЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЕ
- Глава вторая. ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ

Глава первая. ПЕРВОЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЕ

“ Я скоро понял, что основательное знакомство с естественными науками и их методами необходимо для всякого, для какой бы деятельности он ни предназначал себя.

П. А. Кропоткин, 1899

В Москве, на Пречистенке

“ Жизнь текла тихо и спокойно... в этом Сен-Жерменском предместье Москвы... В те дни «идеи» еще не были в ходу...

П. А. Кропоткин, 1899

1842-й — этим годом отмечено начало жизни Петра Алексеевича Кропоткина, одного из самых замечательных людей России второй половины XIX и начала XX века.

...Всего лишь 30 лет прошло после важнейшего в истории России события — Отечественной войны 1812 года и предрешившего ее исход Бородинского сражения. Шел семнадцатый год правления императора Николая I, начавшегося с подавления революционного выступления дворян-декабристов и казни через повешение пятерых руководителей заговора, приговоренных первоначально к четвертованию. Более сотни участников восстания отправились в Сибирь на каторгу и в ссылку. Это было первое осознанное противостояние передовой части российского общества и самодержавия, попытка повернуть историю России на путь демократического развития, по которому уже шли страны Европы. Первое, что признавалось необходимым для этого, — отмена в России крепостного права и введение конституции.

В 1842 году был опубликован первый том «Мертвых душ» Гоголя (великому писателю оставалось жить еще десять лет), в Петербурге умер Иван Андреевич Крылов, в Париже — Стендаль, всего пять лет назад был убит на дуэли Пушкин, а год назад — Лермонтов. В этом году четырнадцатилетний Чернышевский поступил учиться в Саратовскую духовную семинарию, Федор Достоевский окончил Главное инженерное училище; через год он вышел в отставку, целиком отдавшись литературному труду. Герцен вернулся из новгородской ссылки в Москву и приступил к работе над серией статей «Дилетантизм в науке», в которых

он писал о единстве развития природы и человека и назвал философию Гегеля «азбукой революции».

В том же году Петр Лавров[18] окончил Артиллерийское училище и остался преподавать в нем высшую математику. Через 26 лет он опубликует «Исторические письма», сделавшие его «властителем дум» целого поколения. И еще одно совпадение — в том же году молодой Михаил Бакунин опубликовал в немецком журнале статью, в которой впервые высказал свои анархические взгляды. Популярный английский писатель Чарлз Диккенс посетил Соединенные Штаты, где познакомился с глубоко возмущившей его рабовладельческой системой. Англия продолжала свою экспансию в Азии: неудачей закончилась война в Афганистане и успешно — «первая опиумная война» в Китае. Еще ничего не было известно о германском милитаризме, который впервые проявит себя во Франко-прусской войне 1870–1871 годов. Впереди была вторая половина XIX столетия с множеством событий, которые повлияют на формирование личности Кропоткина и в которых он примет деятельное участие.

Фамилия Кропоткин характеризует ее носителя как человека трудолюбивого, кропотливого. Происходит она от прозвища Кропотка, данного именно за эти качества смоленскому князю Дмитрию Васильевичу, одному из потомков легендарного Рюрика, умершему в 1470 году. Начало смоленской ветви Рюриковичей положил князь Ростислав Мстиславич Удалой, в XV веке княжество было упразднено, а оставшийся не у дел княжеский род разделился на множество ветвей, одной из которой стали Кропоткины. Петр Алексеевич Кропоткин стал в этом роду наиболее известным представителем, хотя совсем не в том качестве, как все его предки.

Его отец, князь Алексей Петрович Кропоткин, родившийся в 1805 году, после смерти жены продал дом в Штатном переулке, купил поблизости расположенный дом 4 в Малом Лёвшинском переулке, а затем и его продал; семья переехала в дом 8 в Малом Васильевском. Все эти дома сохранились. Летом 1917 года Петр Алексеевич, вернувшись из сорокалетней эмиграции, посетил дом в Штатном, где он родился и где умерла его мать Екатерина Николаевна. Позже он вспоминал в «Записках революционера»: «Высокая, просторная угловая комната в нашем доме... И в эту комнату нас, детей, ввели в необычное время, — таковы мои первые, смутные воспоминания. Наша мать умирала от чахотки. Ей было всего тридцать пять лет. Прежде, чем покинуть нас навсегда, она пожелала видеть нас возле себя, ласкать нас, быть на мгновение счастливой нашими радостями; она придумала маленькое угощение у своей постели, с которой уже не могла более подняться. Я припоминаю ее бледное, исхудалое лицо, ее большие, темно-карие глаза. Она смотрит на нас и ласково, любовно приглашает нас есть, предлагает взобраться на постель, затем вдруг заливается слезами и начинает кашлять... Нас уводят... Мне было три с половиной года, а брату Саше еще не минуло пяти... Николаю шел двенадцатый год, а Лене — одиннадцатый»[19].

Четверо детей остались без матери, и хотя отец вскоре снова женился на дочери адмирала Черноморского флота Марка Карандино, мачеха ни в малейшей степени не смогла заменить им мать. Отношения отца с детьми не были простыми, особенно после того, как он женился вторично и мачеха заявила: «Не хочу иметь у себя дома никого из дома Сулимы!» Ходили

даже слухи, что настоящим отцом двух младших братьев был не он, а лечивший Екатерину Николаевну доктор Андрей Берс, отец жены Л. Н. Толстого Софьи Андреевны. Однако ни один из братьев на этот счет не высказывался, да и никаких прямых доказательств не обнаружено. Петр Кропоткин писал в своих мемуарах, что отец по-своему любил жену, но она не была счастлива с ним, и это ощущалось в дневниках, которые она вела, лечась на водах от чахотки.

Князь Алексей Петрович Кропоткин — штабной офицер во время Русско-турецкой войны и Польской кампании 1831 года, награжденный орденом Святой Анны и золотой шпагой. Он владел тремя имениями: в Калужской, Рязанской и Тамбовской губерниях, с более чем тысячью крепостных. Излюбленным его занятием, кроме картежной игры и муштрования дворни, было перелистывание «Бархатной книги». По ней выходило, что дворянский род Кропоткиных ведет свое начало от легендарного Рюрика, приглашенного из шведского города Упсалы «править и володеть» в Новгороде, называемом скандинавами Хольмгардом. Князь Игорь, убитый покоренными им древлянами в 945 году, был сыном Рюрика, Святослав — внуком, крестивший народ Киевской Руси в 988 году Владимир — правнуком. Сын Ивана IV Грозного Федор Иоаннович — последний царь из этой династии. Большинство из Рюриковичей-Кропоткиных мирно служили воеводами и стольниками во многих российских городах — от Нарвы до Сургута. В этом роду отыскался только один бунтарь — в Смутное время в начале XVII века некий Иван Кропоткин ходил с войском Лжедмитрия против московских бояр и впал в немилость у царей второй русской династии, Романовых.

Петр Алексеевич Кропоткин — Рюрикович в тридцатом колене, но его ближайшие предки были вполне ординарными дворянами. Дед Петр Николаевич после войны 1812 года вышел в отставку поручиком, обвенчавшись с княжной Прасковьей Гагариной, брат которой Иван был женат вторым браком на великой русской актрисе, бывшей крепостной Екатерине Семеновой. Дядя Дмитрий Петрович — литератор, переводчик, поэт, сотрудничавший в популярных журналах «Библиотека для чтения» и «Сын отечества».

Алексей Петрович служил в Варшаве во время подавления Польского восстания 1830 года и там женился на дочери командира корпуса генерала Николая Сулимы Екатерине. Свадьба состоялась в королевском дворце Лазенки, а посаженным отцом на торжестве был командующий армией, грозный усмиритель поляков генерал Паскевич-Эриванский. Так Кропоткин-Рюрикович породнился с семьей Сулима, корни которой восходили к украинскому гетману Ивану Сулиме, боровшемуся за независимость Украины от Речи Посполитой и четвертованному в 1635 году в Варшаве. Отец его молодой жены, Николай Семенович, — генерал, герой Аустерлица и Бородина. После войны 1812 года, не пожелав служить под началом временщика Аракчеева, он добровольно отправился в Сибирь, став генерал-губернатором Западной, а потом Восточной Сибири. Когда в 1862 году его внук Петр Кропоткин поехал в Сибирь, то часто там слышал имя Сулимы, произносившееся с большим уважением. Пораженный чудовищными размерами воровства, царившего в крае, побороть которое был не в силах, он возвратился из Сибири, ничего там не нажив.

Дочь губернатора Сулимы Екатерина Николаевна была женщиной одаренной и образованной, красивой внешне и внутренне, и ее влияние на детей, особенно на Александра и Петра, было исключительно велико. Оно передалось через дворовых дома

Кропоткиных, сохранивших о ней на долгие годы удивительно светлые и теплые воспоминания, и через ее архив, однажды обнаруженный братьями. В нем были письма, дневник, который она вела, лечась в Германии, написанные ею стихи и акварели, ноты, французские драмы, поэмы Байрона, тетради с переписанными ее рукой стихами русских поэтов, и среди них — запрещенные цензурой стихи повешенного декабриста Рылеева... Для построенной Алексеем Петровичем церкви в тамбовском имении Покровском она написала несколько икон, в том числе Алексея Божьего человека...

«Моя мать, без сомнения, для своего времени была замечательная женщина, — признавал спустя много лет ее младший сын Петр. — Все знавшие ее любили ее. Слуги боготворили ее память... Не знаю, что стало бы с нами, если бы мы не нашли в нашем доме среди дворовых ту атмосферу любви, которой должны быть окружены дети... Ее не было, но память о ней носилась в нашем доме, и когда я теперь оглядываюсь на свое детство, вижу, что обязан ей теми лучшими искорками, которые запали в мое ребяческое сердце». Портрет матери всегда висел над его рабочим столом, где бы он ни жил.

Отец упрекал жену в том, что она была бесприданницей. «Старый Сулима, ваш дедушка, — говорил он своим сыновьям, — мне золотые горы насылил по службе, а вместо того скоро сам поехал в Сибирь. Так я и остался ни с чем». И отношения его с дворовыми не отличались от тех, что складывались в большинстве помещичьих усадеб России. Он был уверен в своем праве распоряжаться судьбой крепостных, наказывать их, продавать, проигрывать в карты. Невольное присутствие при этих действиях детей вызывало в них сочувствие и сострадание к бесправным крепостным, определенным образом их воспитывало.

Взаимопонимания у Алексея Петровича с сыновьями не было. Пытаясь навязать им свою волю, он прибегал к наказаниям, самым действенным из которых было лишение финансовой поддержки. Глубоко консервативный человек, убежденный в необходимости для сыновей военной карьеры, он всячески препятствовал самостоятельности их мышления и выбора. В какой-то мере ему удалось подчинить своей воле старшего сына Николая, который в результате погиб: спился на военной службе и, определенный отцом в монастырь, пропал без вести в 1864 году, двадцати лет от роду. В этом возрасте Петр уже закончил Пажеский корпус, в который он попал благодаря счастливому случаю.

Старой Калужской дорогой

“ С этих пор начинается моя сознательная жизнь...

П. А. Кропоткин, 1901

В конце 1850 года в связи с 25-летием царствования Николая I в московском Благородном собрании на Малой Дмитровке состоялся праздничный костюмированный бал. Московское дворянство устроило для царской семьи красочное представление, продемонстрировав необыкновенное этническое разнообразие Российской империи через богатство национальных костюмов ее подданных. Приглашенная на бал генеральша Назимова не

смогла на него пойти из-за болезни своего восьмилетнего сына и передала изготовленные ею костюмы восточной царицы и царевича своей подруге Екатерине Николаевне Кропоткиной. Детский костюмчик с поясом, украшенным драгоценными камнями, оказался маловат для Александра, зато вполне подошел Пете. Его и нарядили персидским царевичем, вручив жезл с гербом Астраханской губернии, граничившей с Персией. Шестьдесят мальчиков, представлявших все губернии России, склонили их гербы перед самодержцем и императрицей Александрой Федоровной. «Астраханец» Петя оказался самым маленьким из всех, и царь захотел рассмотреть его поближе. Петин дядюшка, князь Дмитрий Гагарин, поднял племянника и поставил на платформу, прямо перед царем.

— Вот таких молодцов надо мне рожать, — сказал смутившейся супруге всероссийский самодержец. А та посадила мальчика рядом с собой, угостила крендельками, и он вскоре заснул, положив голову ей на колени. Пока он спал, Николай распорядился определить юного Кропоткина по достижении соответствующего возраста в Пажеский Его Величества корпус — самое привилегированное в то время военно-учебное заведение. С такой трогательной сцены начались взаимоотношения всемогущего властителя и будущего врага самодержавия и всякой власти вообще, в какой бы она ни выражалась форме.

Счастливую звезду зажег на горизонте для одного из сыновей князя Алексея Петровича Кропоткина сам российский император. Он гарантировал ему привилегированное образование и блестящее будущее вблизи верховной власти. Надо было только достичь пятнадцати лет — возраста, положенного для приема в Пажеский корпус. А пока что начальное воспитание и образование Петру и его братьям давали гувернеры и домашние учителя. Сам не участвуя в воспитании детей, отец не жалел денег на их воспитателей. И они оказались очень удачными, хотя и не совсем в духе консервативного Алексея Петровича. Гувернер Пулэн — солдат наполеоновской армии, участник недавних (еще и полвека не прошло) великих исторических событий, только что закончивший воспитание младшего сына писателя Загоскина. А учитель Николай Смирнов был студентом юридического факультета Московского университета, широко образованным человеком и, естественно, сторонником демократизации общественного строя в России. Он закончил факультет с отличием, как второй кандидат после Б. П. Чичерина, известного впоследствии юриста, историка и философа.

Смирнов, без сомнения, сыграл существенную роль в гуманитарном образовании юных братьев Кропоткиных и формировании их мировоззрения. Он привил им любовь к русской литературе, к стихам и прозе писателей, бывших, по существу, их современниками — Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Некрасова. Именно от него они узнали о становлении государственности в России и народных бунтах Стеньки Разина, Пугачева, Болотникова, о казни декабристов и оппозиционной деятельности лондонских эмигрантов Герцена и Огарева, даже о «потаенном» Радищеве, первом обличителе самодержавия и крепостничества, книга которого «Путешествие из Петербурга в Москву», вышедшая в свет в 1790 году, была запрещена на целое столетие, а сам он приговорен к четвертованию, милостиво замененному матушкой-императрицей Екатериной II на десятилетнюю ссылку в сибирский город Илимск.

Петр и Александр Кропоткины с благоговением проходили мимо дома Герцена, находившегося совсем неподалеку, и дома на Никитском бульваре, в котором умер Гоголь. Братья много читали и размышляли, дышали идеями того времени. Общество жило ожиданием перемен, к которым взывало все положение дел в стране — гнетущий произвол самодержавия, архаичное крепостное право, нищета крестьян, тяжелые условия труда рабочих на заводах и фабриках. Мыслящие люди России были озабочены как можно более скорым решением этих проблем.

Гувернер Пулэн не был знатоком ни французской истории, ни географии, ни тем более литературы, но разговорным языком владел виртуозно, так что братья очень быстро научились думать и непринужденно болтать по-французски. Они охотно занимались этим во время ежедневных прогулок с Пулэном, когда он, освободившись от тяготивших его обязанностей учителя, совершенно преобразался, и бесконечные его рассказы сыпались как из рога изобилия. Гораздо более серьезными были уроки Николая Смирнова, преподававшего детям русский язык, арифметику, историю.

Каждой весной, когда начиналось таяние снегов, бурный ручей, стекая с Одного из семи московских холмов, проносился по Сивцеву Вражку к Пречистенскому бульвару. Стремительный бег ручья казался символом неудержимого движения к свободе. «Сивцев Вражек, — как вспоминал Кропоткин в одном из писем в 1914 году, — всегда представлялся центром студенческих квартир, где по вечерам ведутся между студентами горячие разговоры обо всяких хороших предметах...» Отголоски этих споров передавал Смирнов своим воспитанникам. С ним они читали новинки русской литературы, появлявшиеся в журналах, под его руководством переписывали от руки строки из «Горя от ума» Грибоедова, фрагменты второго тома «Мертвых душ» Гоголя, запрещенные цензурой стихи Пушкина, Лермонтова, Алексея Толстого. Читали переписанную Александром, учившимся в кадетском корпусе, поэму Рылеева «Войнаровский», занимались и собственным творчеством: сочиняли стихи и рассказы, из которых составляли ежедневную домашнюю газету «Дневные ведомости», а затем — ежемесячник «Временник». В эти детские издания Александр вписывал свои стихи, а Петр больше тяготел к прозе.

Эта домашняя журналистика, конечно, появилась под впечатлением от журналов, которые выписывал отец. Это был прежде всего «Сын отечества», печатавший не только «придворную хронику», очень интересовавшую Алексея Петровича, но также «известия с Кавказа», где продолжалась многолетняя война с горцами, и «новости научного мира». Наряду с патриотическими драмами Нестора Кукольника, историческими романами Загоскина, переводами французских романов, например популярного Эжена Сю, там можно было прочитать про удивительную Сибирь с грандиозной рекой Обь, «едва ли имеющей соперниц на земном шаре». Из «Сына отечества» Петр Кропоткин впервые узнал о «прекрасной науке геологии», а в журнале «Москвитянин» он познакомился со статьей, посвященной удивительным путешествиям великого географа Александра фон Гумбольдта[20]. Статья пробудила у Пети интерес к путешествиям среди дикой природы, к географии, ботанике, геологии. Он с увлечением читал научно-популярные статьи профессора Карла Францевича Рулье[21], из которых впервые узнал о следах древнего оледенения на равнине Европейской России.

Сильнейшие впечатления были связаны с ежегодными выездами на лето в калужское имение Никольское, раскинувшееся на берегах реки Серены, близ уездного города Мещёвска. От московского дома на Пречистенке предстояло проехать не менее 250 верст. После длительных сборов сначала отправлялся обоз со всевозможным домашним скарбом и полусотней дворовых, шедших за обозом пешком. А вслед за ним, через три-четыре дня, по направлению к деревянному тогда Крымскому мосту и Калужским воротам трогались шестиместная карета и тарантас с княжеской семьей из двенадцати человек. Пять дней занимал путь до Никольского, проходивший через Подольск, Малоярославец, Тарутино, Калугу. Во время ночевки в Малоярославце бывший наполеоновский солдат Пулэн подробно рассказывал братьям о сражениях 1812 года.

Отрезок пути за Калугой до перевоза через реку Угру, всего верст в семь, особенно нравился Пете. Здесь дорога уходила в большой сосновый бор на песчаных дюнах, и все шли пешком, чтобы легче было лошадям с экипажами и повозками. Петя убежал вперед, оставаясь один на один с великанами — вековыми соснами, надвигающимися со всех сторон. «В этом лесу, — вспоминал он потом, — зародились моя любовь к природе и смутное представление о бесконечной ее жизни».

Столь же сильное эмоциональное потрясение испытал он в детстве от знакомства с искусством. Первое яркое впечатление произвели на маленького Петю балаганы на ярмарках в Никольском и Мещёвске во время Масленицы. С классической музыкой, как ни странно, его познакомили дворовые, крепостные музыканты: чтобы не отставать от соседей-помещиков, князь Кропоткин держал свой оркестр. Устраивались концерты, в которых две первые скрипки были профессионалами, но, если было нужно, партию скрипки мог исполнить полотер Тихон, флейты — помощник дворецкого Макар, валторны — портной Андрей. По воскресеньям, когда хозяева отправлялись в церковь, крепостные музыканты устраивали танцы для челяди, в которых, несмотря на болезнь, всегда с удовольствием принимала участие, пока была жива, Екатерина Николаевна. Для княжеских детей это был праздник, и они никогда не выдавали слуг, с которыми были очень дружны.

В московском доме было полсотни слуг, в селе Никольском — семьдесят пять, а всего в трех губерниях — более тысячи крестьян и дворовых. Юный Петр жил среди крепостных своего отца и, добрый, чуткий, впечатлительный от природы, был свидетелем того, как отец помыкал этими бесправными людьми, называя их «хамовым отродьем». Наказания розгами назначались произвольно и, как правило, без малейшего признака справедливости. Назначение в солдатскую службу на 25 лет тоже целиком зависело от каприза барина. Обычным делом были свадьбы по приказу. Ни в чем не было свободы у крепостных. Детские впечатления на всю жизнь врезались в память. Конечно, они сказались на формировании народофильского сознания Кропоткина, стержнем которого было «чувство вины» перед народом. В какой-то мере им объясняется и известная идеализация народной массы — возможно, одно из главных заблуждений теоретика анархизма.

В 11 лет Петя стал ходить в Первую московскую гимназию. Она находилась в трехэтажном доме князя Г. С. Волконского на Пречистенке, и окна ее выходили на строящийся храм Христа Спасителя. Образованная полвека назад из основанного императрицей Екатериной II Главного народного училища, она была лучшей гимназией в Москве. До Кропоткина в ней

учились историки М. П. Погодин и С. М. Соловьев, великий драматург А. Н. Островский... А затем, уже в XX веке, по той же самой лестнице поднимались поэт, писатель и публицист Илья Эренбург и Николай Бухарин, один из руководителей партии большевиков, павший жертвой сталинского террора. По-разному сложились судьбы выпускников Первой московской гимназии, но основы их культурного и духовного развития были заложены в этой школе ее преподавателями. Правда, Кропоткин в своих мемуарах свидетельствовал, что преподавание в гимназии было поставлено «самым бессмысленным образом». По-видимому, он просто не вписывался в казенную систему обучения, как многие неординарные люди.

На самом деле, он с увлечением относился к большинству предметов, преподававшихся в гимназии. Даже, может быть, слишком. Например, однажды ему поставили двойку за излишнее усердие, с которым он выполнил простое задание — надо было только скопировать карту Англии, а у него получилось настоящее художественное произведение. А вообще географию он любил и усваивал ее с удовольствием. Он даже составил вместе со своим другом Николаевым географию гимназии, третий класс которой «омывается морем Пречистенкой» и граничит с другими классами. Через проливы-коридоры врывались в класс, причаливая к горе-кафедре, чужестранцы — учителя. Это была любимая игра. Учитель геометрии ставил Кропоткину пятерки, хотя из-за плохого преподавания предмет этот остался для него совершенно непонятным. Столь же скверно обстояло дело с историей, преподавание которой состояло из чистой зубрежки. Двойки по истории были неизменны, но на экзамене ему достался вопрос «Александр I и война с Наполеоном». На память пришли яркие рассказы Пулэна, и ответ юного Кропоткина был оценен «пятеркой с плюсом».

Конечно, забываемы были уроки талантливого Аполлона Григорьева[22], преподававшего в гимназии правоведение. Но его предмет не вызывал таких эмоций, как география и история, хотя личность законоведа, который был еще литературным критиком, поэтом и даже автором романсов, привлекала к себе внимание гимназистов.

Совместными усилиями гимназии и домашних учителей Петя Кропоткин был подготовлен к поступлению в Пажеский корпус, место в котором для него зарезервировал сам император Николай I.

В Пажеском Его Величества корпусе

“...Наша программа (кроме военных предметов) была вовсе не дурна и, несмотря на свое разнообразие, вполне приходилась по силам юноше со средними способностями.

П. А. Кропоткин, 1899

С приближением пятнадцатилетия Петя Кропоткин получил возможность воспользоваться монаршей милостью и поступить учиться в Пажеский корпус, основанный Екатериной II для пополнения своего гвардейского окружения. Потом это полувойенное учебное заведение

стало готовить элиту Российского государства: военачальников, высших чиновников, дипломатов, преданных престолу и отечеству. Корпус окончили писатели Федор Толстой и Александр Дружинин, «усмиритель» Польши фельдмаршал И. Ф. Паскевич, герой освобождения Болгарии от турецкого владычества генерал И. В. Гурко и генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский. Удивительно, что среди выпускников корпуса были два противника российского самодержавия — Александр Радищев и Павел Пестель. Петр Кропоткин оказался третьим, чье отношение к самодержавию было далеко не верноподданническим.

Каждый год 16 лучших учеников старшего класса назначались камер-пажами к императору, императрице и великим князьям, членам царской семьи. Это считалось началом блестящей карьеры. Личным пажом царя Александра II стал и «отличнейший» выпускник, князь Петр Кропоткин. Поступив осенью 1857 года в самый младший, пятый класс, Петя, привезенный в Питер мачехой Елизаветой Марковной, ничего этого, конечно, еще не знал.

Отношения старших воспитанников с младшими были такими, которые сейчас определяются термином «дедовщина». Доносительство, рукоприкладство и прямое издевательство над младшими были обычным делом. Все это было выгодно корпусному начальству, помогая поддерживать дисциплину и управлять воспитанниками. И всё же это было время благотворных перемен. Петр Алексеевич потом вспоминал, что, поступи он в корпус на год или два раньше, воля его была бы окончательно сломлена или он был бы исключен, «кто знает, с какими последствиями». К счастью, перед самым его поступлением в корпус произошла «революция», связанная с либеральным курсом нового императора. В результате Петру удавалось все годы учебы сохранять до известной степени свою независимость, обороняясь от агрессивности камер-пажей и придираков полковника Жирардота, практиковавшего иезуитский метод воспитания.

Привычка погружаться в чтение спасала Петра от тлетворного влияния среды. Особенно он полюбил тогда «Фауста» Гёте, которого, по совету брата, читал в подлиннике, по-немецки. Музыка стиха и глубокий философский смысл произведения захватили его. Глубоко полюбил он Шекспира, по несколько раз перечитывал его драмы, читал их своим однокашникам. Сильнейшее впечатление произвели занятия по русской словесности у профессора Владимира Игнатьевича Классовского[23], автора книг по истории и психологии. Небольшого роста, стремительный в движениях, он давал своим ученикам значительно больше, чем требовалось программой, и пробуждал, как вспоминал позже Кропоткин, «стремление к возвышенному идеалу». Он заметил выдающиеся способности Кропоткина и настойчиво советовал ему поступить в университет, повторяя: «Вы будете славой русской науки».

«Невыразимое удовольствие» доставляли будущему географу выезды в летние лагеря в Петергофе, где занимались топографическими съемками. Его привлекали «независимый характер работы, одиночество под столетними деревьями, лесная жизнь, которой я мог отдаваться без помехи...». Географию в корпусе преподавал некий Белоха, который все сводил к рисованию приблизительных контуров стран мелом на доске. Никто не смог бы этого сделать, если бы не шпаргалки, нарисованные с большим мастерством Кропоткиным. Он снабжал ими весь класс и хорошо натренировался в изготовлении карт, что ему потом

очень пригодилось, особенно когда в полутьме каземата Петропавловской крепости он вычерчивал карты Финляндии и Швеции для своей книги «Исследования о ледниковом периоде».

И еще один навык обрел он в Пажеском корпусе, когда за дерзость в адрес ротного командира был посажен на несколько недель в карцер на хлеб и воду. В темной комнате долгие дни было нечем заняться, и заключенный в карцер придумал способ коротать время. Он научился лаять и выть по-собачьи и достиг в этом совершенства. Пригодилось это умение во время плавания по Амуру в 1863 году: в темноте было очень трудно разобрать очертания берегов, к которым приходилось приставать, а на искусное звукоподражание откликались собаки в прибрежных селах, лай которых служил своеобразным компасом.

Несмотря на дисциплинарные взыскания, Кропоткин всегда оставался в Пажеском корпусе первым учеником. Большое внимание он уделял математике и астрономии, которая именовалась тогда математической географией. Эта наука вызывала у юного Кропоткина особенный интерес. Потом он вспоминал: «Никогда не прекращающаяся жизнь вселенной, которую я понимал как жизнь и развитие, стала для меня неисощимым источником поэтических наслаждений...»

Он увлекался физикой, и преподаватель Чарушин использовал при составлении нового учебника конспекты своего ученика. Его самостоятельные опыты с химическими веществами с участием двух братьев Замыцких, сыновей отставного адмирала, не раз приводили к различным неприятностям, но завершалось все совместным музицированием: исполнением с партитуры фрагментов из какой-нибудь оперы (самой любимой была «Руслан и Людмила» Глинки). «Химия и музыка шли таким образом рука об руку», — вспоминал Кропоткин.

Театр и музыка играли в те годы важнейшую роль в развитии Кропоткина. Он посещал спектакли очень популярной в Петербурге итальянской оперы («Вильгельм Телль», «Пуритане»). Они были насыщены революционными ариями и речитативами, встречаемыми шумной овацией зала, которая явно не нравилась обитателю царской ложи Александру II. Особенно неистовствовала галерка, где в шестом ярусе парились, как в бане, в страшной духоте, в своих наглухо застегнутых ватных шинелях нелегально пробравшиеся «пажики». Всей семьей смотрели Кропоткины спектакли с прославленной балериной Фанни Эльслер, а балет «Гитана, испанская цыганка» даже пытались воспроизвести на домашней сцене. Петр был свидетелем грандиозных похорон итальянской примадонны Анжелины Бозио, простудившейся во время гастролей в российской столице. «Всё это может показаться теперь ребячеством; но тогда немало возвышенных идей и чистых стремлений было заронено в нас поклонением пред любимыми артистами», — свидетельствовал автор «Записок революционера».

Воспитанникам Пажеского корпуса преподавались в достаточно большом объеме гуманитарные науки: история, законоведение, основы политической экономии и сравнительной статистики, грамматика, литература, рисование. Все свободное от занятий время Петр проводил в Эрмитаже, изучая представленные там художественные школы, и в Публичной библиотеке Петербурга, где он читал книги по истории, философии, литературные журналы, в которых публиковались новые произведения русских писателей. В

начале 1860 года он прочитал повесть Тургенева «Накануне», и образ болгарского патриота Инсарова, устремленного к одной цели — освобождению родной страны, — всецело овладел его воображением. Вообще Тургенев был его любимым писателем, а из поэтов ближе всего казался Некрасов. Однажды во время загородной прогулки группы старших воспитанников корпуса на берегу Финского залива Кропоткин самозабвенно декламировал стихотворение Николая Огарева «Искандеру», обращенное к его другу Герцену, которое он переписал из запрещенного в России журнала «Полярная звезда»:

“ Когда я был отроком тихим и нежным,
Когда я был юношей страстно-мятежным,
И в возрасте зрелом, со страстью смежным,
Всю жизнь мне всё снова и снова
Звучало одно неизменное слово:

Свобода! Свобода!

Товарищи слушали спокойно, а в душе Петра стихи звучали набатом, как торжественный манифест всей жизни — от юности до старости:

“ Но если б грозила беда и невзгода
И рук для борьбы захотела свобода,
Сейчас полечу на защиту народа.
И если паду я средь битвы суровой,
Скажу, умирая, могучее слово:

Свобода! Свобода!

В среде пажей он со своими радикальными взглядами чувствовал себя одиноким. И убедился в этом, когда попробовал распространить на корпус опыт домашнего «самиздата». Петр изготовил газету под названием «Отголоски из корпуса», переписал в трех экземплярах и подсунул в столы старшеклассников, которых, как ему казалось, она могла бы заинтересовать. В этой газете одного автора не было ничего революционного, никаких призывов к свержению самодержавия, а просто доказывалась необходимость введения в России конституции в интересах самой же монархии, приводились факты злоупотреблений чиновников и непомерных, неконтролируемых расходов царского двора. Но те двое воспитанников, которые прочитали рукописную газету, в своих записках советовали автору не подвергаться риску. В ответ он распространил второй номер «Отголосков», где доказывалась необходимость всеобщего объединения во имя свободы. На сей раз Петру была назначена тайная встреча, и двое единомышленников предложили ему свою дружбу, но с тем, чтобы он прекратил слишком опасную и бесперспективную затею с газетой. Конечно, если бы газета попала на глаза начальству, пажу-отличнику пришлось бы худо. Сошлись на том, чтобы образовать кружок для свободного обсуждения всяких возникающих вопросов. А обсуждать было что: страна готовилась к решению назревшей проблемы крепостного права. Об этом давно уже постоянно упоминали в своей дружеской переписке братья Кропоткины.

Братья Александр и Петр

“ ...С ним мы выросли, с ним мы сроднились. С ним и после были вместе до тех пор, пока судьба не разбросала нас по тюрьмам и ссылкам.

П. А. Кропоткин, 1899

Содружество и совместное развитие двух братьев Кропоткиных — особое явление. Его аналогом можно считать союз братьев фон Гумбольдт — Александра и Вильгельма, которые стали великими учеными, первый в естественных науках, второй в гуманитарных, и на всю жизнь сохранили не просто дружеские отношения, но истинное духовное единство. У Кропоткиных было сложнее.

Александр был старше Петра на 16 месяцев. И он, естественно, был ведущим в их отношениях на первых порах. Но их интересы и пристрастия удивительно совпадали. Оба они испытали влияния их рано умершей матери, артистичной и художественно одаренной. И не только ее — их дед по отцовской линии Петр Николаевич, выйдя в отставку всего лишь поручиком, занялся хозяйством в поместье Урусове Рязанской губернии, расположенном на холме, среди роскошных полей, лугов и тенистых лесов, пересеченных извилистой речкой. Туда он привез молодую жену, княжну Гагарину, брат которой был женат на знаменитой крепостной актрисе Семеновой, основательнице драматической школы в России. Брат отца Дмитрий Петрович Кропоткин писал стихи; некоторые из них вошли в издание Смирдина «Сто русских литераторов». Даже отец братьев, чрезмерно увлеченный военной службой, был не совсем чужд искусству — содержал у себя крепостной оркестр.

В возрасте пятнадцати — семнадцати лет они обсуждали в письмах друг к другу проблемы возникновения и формирования научного знания, вопросы строения Вселенной, происхождения Земли и жизни на ней, эволюции жизни вообще и человеческого общества, в частности развития различных форм общественной жизни, роли разных религий в жизни людей. Необъятно число тем, которые затрагивали в своей переписке юные Кропоткины. В основе их, конечно, лежали впечатления о прочитанных книгах.

В 1857 году, когда Петру шел всего лишь пятнадцатый год, он увлекается Вольтером, читает взахлеб его «Философский словарь», берется за переводы некоторых статей, в том числе запрещенных цензурой, а о «Критике чистого разума» Иммануила Канта восторженно отзывается в письме брату: «Что за чудная книга! Я до сих пор не читал ничего подобного... Что за прелесть!» Хотя признается, что многие страницы давались ему с большим трудом. Александр руководил чтением младшего брата и выводил эпистолярные беседы с ним на серьезные темы: научные и общественно-политические.

После того как Александр поступил в Московский кадетский корпус, а Петр уехал в Петербург в Пажеский корпус, их встречи становятся редкими и общение братьев теперь поддерживается только перепиской, но она удивительно регулярна, а главное, содержательна и серьезна, несмотря на юный возраст корреспондентов.

Они были неразлучны, пока жили в особняках пречистенских переулков, в калужском имении Никольском, учились в Первой московской гимназии. Вместе они с помощью домашних учителей — Николая Смирнова и сменившего его студента-медика Николая Павлова — впервые вступили в храм великой русской литературы, познакомились с творениями Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Грибоедова. Студенты давали им читать стихи великих поэтов, запрещенные цензурой. Дело доходило и до статей политэмигранта Герцена, стихов его друга Николая Огарева. Вдохновленные прочитанным братья начинали сами сочинять: рассказы, стихи, критические статьи. В 1856–1857 годах Петр написал для домашнего журнала «Временник» повести под названиями «Наши соседи», «Воспитанница», «Не все бывает, как мы хотим», «Неверность» и еще несколько повестей и рассказов, переведенных братьями с французского и немецкого. В каждом номере появлялись стихи Александра. Раннее творчество в сильнейшей степени способствовало развитию умственных способностей молодых людей, побуждало их к интенсивному занятию самообразованием. Николай Павлов, «добрейшая душа, высокий, рыжий, весь в веснушках», достал для «Временника» вступительную лекцию профессора Спасского о физической географии, чему несказанно обрадовался Петр, сразу взявшийся за переписывание лекции, которая помогла ему выбрать географическое направление своей деятельности.

«Временник» просуществовал вплоть до поступления Петра в Пажеский корпус. Одной из последних его «публикаций» стало «Пребывание в Унцовске». Первоначально это было юмористическое (с явным подражанием Гоголю) описание ярмарки, проводившейся ежегодно в уездном городе Мещёвске. Став чуть постарше, он провел серьезное статистическое исследование той же самой ярмарки, получив вполне научную ее картину. В этой детской работе Петр Кропоткин заявил о себе как будущий ученый. В это время его брат больше увлекался поэзией и мечтал написать критическую статью о поэтическом творчестве Веневитинова.

В письмах юношей постоянно присутствуют размышления о судьбе России. В 1858 году Петр писал брату: «Я с жадностью слежу за всеми нововведениями, я жду много от правления Александра II... Старая система разрушается, новая не создана... Теперь самодержавие невозможно, оно должно измениться, и если не удалось в 1825 г., то удастся теперь в скором времени, и авось мы доживем до того, что увидим Россию наряду с прочими европейскими государствами... Не лучше ли прежде сократить расходы, постепенно вести дела к устранению самодержавия, а вместе с этим уничтожить крепостное право...» Брат сообщал Петру о новых номерах «Колокола» и «Полярной звезды» со статьями Искандера (Герцена). В них публиковались призывы к обновлению, к борьбе за освобождение народа от ига крепостничества и произвола властей. Через много лет Кропоткин вспоминал в «Записках революционера» впечатление, которое на него производил журнал: «Почти с молитвенным благоговением глядел на напечатанный на обложке „Полярной звезды“ медальон с изображением голов повешенных декабристов... Красота и сила творений Герцена, мощь размаха его мыслей, его глубокая любовь к родине охватили меня. Я читал и перечитывал эти страницы, блещущие умом и проникнутые глубоким чувством».

В одном из писем Петр, делаясь впечатлениями от обстановки в Пажеском корпусе, сетует: «Странно, как мало развита у нас охота к чтению. Никто почти ничего у нас не читает, а если и читает, то не более как французские романы». А братья Кропоткины читали много и,

главное, обсуждали прочитанное. Как только Александр познакомился с теорией образования Земли Лапласа, он излагает ее суть в письме брату и говорит о материалистическом понимании строения Вселенной: «Наша солнечная система есть лишь одна из бесчисленных групп мировых тел и катится к одной из звезд, находящихся в созвездии Геркулеса, заменяющих ей наше солнце». Он советует прочитать публичные лекции московского профессора К. Ф. Рулье о происхождении Вселенной и живых существ, а также «Письма об изучении природы» Герцена. Петр отвечает: «Спасибо тебе, что ты мне сообщил гипотезу Лапласа; то, что я прежде кое-как чуял, понял теперь гораздо яснее... Твое письмо ясно указало мне, что нужно мне заняться естественными науками, я решительно не имел о них никакого понятия...» И он советуется с ним: «Чтоб начать заниматься естественными науками, с чего начать? Зоология, ботаника, кажется, необходимы, а я незнаком с ними. Впрочем, теперь некогда заниматься. Я много времени трачу на историю, хочу позаняться и музыкою, которую я люблю и могу играть, а какое это удовольствие!»[24]

Весной 1859 года он сообщает брату, что собирается все лето провести в Публичной библиотеке, куда не разрешают ходить пажам, но, замечает он, «они не знают, кто я». А в плане у него прочитать по-итальянски книгу Бьянчини о социальном поведении, статьи Белинского в «Русском вестнике», книги по истории Средневековья. Восприняв идею Грановского[25] о необходимости антропологического принципа в истории, он собирается написать монографию о короле Филиппе IV Красивом, сыгравшем определенную роль в ослаблении папской власти и в то же время безжалостно расправившемся с орденом тамплиеров, которые отстаивали свою духовную свободу и независимость.

Петр не склонен к самоуверенности — он самокритичен и полон сомнений. Вот строки из его писем начала 1860 года: «Не знаю, до чего я так дойду со временем. Меня интересует и желание получить практическое воспитание, и естественные науки, и история по временам затрагивает меня. На чем же я остановлюсь? Неужели ни на чем? Более и более убеждаюсь я в неспособности понимать философские книги; да и лень одолевает... Обломовщина? (Только что им прочитан роман И. А. Гончарова в „Отечественных записках“. — В. М.) Избави Бог. Зато вдвое более прежнего люблю я поэзию... Я чувствую, как вредит мне корпус, он убьет во мне последнее, что было хорошего! Часто я задаю себе вопрос, что из меня выйдет? Не так давно я мечтал сделаться историком... теперь вполне убедился, благодаря тебе, в своей полной неспособности к этому. С естественными науками я очень мало знаком, мне кажется, что я мог бы ими заниматься. Наконец, математика довольно интересует меня теперь... Но, конечно, я считаю себя способным предаться науке, и меня тянет возможность в будущем уметь прилагать свои знания к делу, посвятить себя сельскому хозяйству, промышленности; сельское хозяйство теперь нужно улучшить... — вот обширное поприще... Всякий должен быть полезным членом общества... От него требуется, по-моему, не более как честное исполнение своих обязанностей... Мне хотелось бы быть сколько-нибудь полезным...»

Александр не развеивает сомнений, а еще более их усугубляет. Однажды он написал: «Скажу прямо: я не верю в тебя; корпус почти погубил тебя. С горьким, горьким чувством думаю я теперь о тебе, чем ты стал, мой милый, милый Петя? Что есть в тебе, кроме внешнего лоска? Я всегда был предубежден против первых учеников; очень редко выходят

из них порядочные люди науки... Повторяю, сердце сжимается иногда о тебе. Гордая самоуверенность проглядывает у тебя... Ты человек не науки! Наука не для тебя; научное поприще так тернисто, что только страстная любовь и верность к науке может поддержать на нем человека...»

Это был почти приговор. Но Петр никогда не обижался на брата, продолжая откровенно рассказывать ему о своих разнообразных увлечениях: «...Занятия математикой идут обычной чередой. Химией занимаюсь также постоянно, время от времени, когда появляются финансы, занимаюсь опытами в нашей маленькой лаборатории. Свободное время посвящаю музыке. Сегодня я вырвался из корпуса на концерт и... наслаждался, слушая, например, глубоко прочувственное трио Глинки из „Жизни за царя“, сколько в нем родного, близкого сердцу, выплаканного, как и во всех русских мотивах...»

Когда Петр поделился с братом своей мечтой — уехать на Амур, в неведомый край, только что присоединенный к России стараниями графа Н. Н. Муравьева-Амурского, Александр стал его отговаривать: «Не езди на Амур, не связывай себя, не езди даже на два года. Что ты захочешь вернуться, я в этом убежден...» Он не сразу понял, что Петр, приняв решение ехать в Сибирь, нашел свой путь в жизни, единственно правильный в его обстоятельствах. И главное, что его влекло — та самая свобода, что звучала рефреном в стихотворении Огарева, к которой своим громовым голосом призывал легендарный Бакунин.

Уговаривая Петра не ехать в Сибирь, Александр раскрывает перед ним глубокое недовольство собой: «Я чувствую, что во мне есть сила... но по необразованности я направлял ее только на общие вопросы, я не могу заняться решением частного вопроса, потому что слишком мало знаю... Я поразительно мало знаю... И я желаю учиться...»

Общее свойство братьев — отсутствие самодовольства, самокритичность, готовность всегда учиться — проявлялось в каждом из них по-разному. Общим у них было также удивительное для их возраста чувство гражданской ответственности. Они остро воспринимали происходившие в стране события и, как все мыслящие люди России, желали серьезных перемен в общественной жизни страны.

Осенью 1861 года в Москве прошли студенческие волнения. Студенты закрытого из-за боязни беспорядков университета устроили сходку на могиле либерального профессора Грановского, где обсуждали петиции к попечителю учебных заведений, генерал-губернатору и царю с просьбой возобновить занятия. У гостиницы «Дрезден» произошло столкновение студентов с полицией, и среди получивших побои и арестованных оказался воспитанник кадетского корпуса Александр Кропоткин. Ему грозило увольнение, и, узнав об этом, Петр тут же приехал из Петербурга. Пока Александр находился под арестом, произошла его встреча со Львом Толстым в одной из московских гостиных. Об этом написала в своих «Воспоминаниях» М. С. Воейкова, жена московского предводителя дворянства. Согласно этому источнику, молодой князь Кропоткин резко высказывался по поводу действий властей, в частности назвал «обманом» объявленное в царском манифесте «освобождение крестьян».

Через 13 лет, когда был арестован Петр, Александр, живший тогда в Цюрихе, поспешил на помощь к любимому брату и, забыв о себе, угодил в капкан: его арестовали по подозрению в связи с политэмигрантом Петром Лавровым. Никаких оснований для привлечения к суду не было, но государь император своей волей, без суда и следствия, распорядился отправить старшего Кропоткина в Сибирь. Разрешение вернуться пришло лишь через 14 лет, но Александр Алексеевич им так и не воспользовался — в приступе депрессии он покончил с собой. Петр Кропоткин, переживший любимого брата более чем на 30 лет, не мог простить себе, что не сумел предотвратить трагический конец Александра. Надо было бы убедить его приехать сразу же с семьей в Лондон или Париж, но младшему Кропоткину казалось, что брату с его большой семьей трудно будет выдержать слишком резкое изменение условий жизни.

Судьба Александра Кропоткина была трагичной. Можно сказать, что он пал жертвой самодержавия, хотя был разносторонне талантлив, как и его брат. Особенно успешно он занимался астрономией: опубликовано несколько его статей, получивших положительную оценку со стороны известного шведского астронома Гюльтена. Произвольным решением царя он лишился возможности работать в астрономической обсерватории и вынужден был заниматься только журналистикой. Важную роль он сыграл в организации краеведческого музея в Минусинске. Постоянно сотрудничал в сибирских газетах. Но главной цели своей жизни — стать ученым — он так и не достиг, отчасти из-за произвола властей, а отчасти по роковой, отнюдь не свойственной его брату неспособности сосредоточиться на чем-то одном, перейти от мечтаний к реальному живому делу.

Ветер шестидесятых

“Точно небо открылось над нами и куда-то потянуло вверх и вширь...”

Н. В. Шелгунов

«Эпохой умственного пробуждения России» назовет впоследствии Кропоткин конец 1850-х — начало 1860-х годов. Служащий Лесного департамента, сотрудничавший в «Современнике» и «Русском слове», Николай Шелгунов писал: «Точно небо открылось над нами...» Это была пора надежд на обновляющие перемены в жизни общества. И хотя воспитаннику Пажеского корпуса Петру Кропоткину было тогда всего лишь пятнадцать — семнадцать лет, он, рано приобщившись к чтению и серьезным умственным занятиям, жадно внимал новым веяниям эпохи.

В 1860 году вышла на русском языке книга Чарлза Дарвина «Происхождение видов», совершившая поистине революционный переворот в науке. Это было время не только расцвета физики, химии, биологии, географических открытий на Дальнем Востоке и в Средней Азии, но и активизации общественного движения, направленного на преобразование устаревшей государственной системы в России. Книга Дарвина сыграла в этих условиях огромную роль, выдвинув идею эволюции, всеобщего развития и вызвав жесточайшие споры между консерваторами и радикалами[26].

Начало 60-х годов — необычный период XIX столетия, который мог стать переломным, но не стал таковым. Не стал потому, что «революция сверху», включившая в себя освобождение крестьян от крепостной зависимости, судебную, военную и административную реформы, введение в самодержавной России местного (земского) самоуправления, оказалась половинчатой и, по существу, обманной, лживой.

Александр II выжидал, когда помещики сами придут к признанию необходимости перемен. Он объезжал губернии, убеждая крепостников самих отказаться от системы рабства. Еще в 1856 году он доказывал необходимость этого в своем выступлении на собрании московского дворянства и, не получив поддержки, вспомнил слова своего главного оппонента, лондонского эмигранта Герцена: «Лучше уничтожить крепостное право сверху, нежели ждать того времени, когда оно начнет само собой уничтожаться снизу». Реакция на эти слова мыслящей части общества была восторженной. Но столичные дворяне промолчали в ответ, предпочтя, очевидно, ожидание: почему-то считалось, что именно после отмены крепостного права сразу же начнется пугачевщина — кровавый русский бунт, «бессмысленный и беспощадный». Какие-то признаки его и, правда, возникали: в ряде мест крестьяне жгли помещичьи усадьбы. Император Александр колебался, поддаваясь влиянию своего окружения.

И только после того, как землевладельцы белорусских и литовских губерний подали адрес генерал-губернатору Назимову, в котором признавалась необходимость крестьянской реформы, был опубликован рескрипт императора о ликвидации крепостного права в тех губерниях, где Наполеон уже отменил его своим указом в 1812 году. Слух об этом моментально распространился по всей стране, крестьянские бунты тут же прекратились. Но верховная власть все еще не решалась сказать последнее слово, по-прежнему опасаясь, как бы дарованная свобода не привела к хаосу, беззаконию и бунту.

Петр Кропоткин был свидетелем этих лет нерешительности самодержавия, завершившихся, наконец, подписанием Александром II манифеста 19 февраля 1861 года. Это событие вызвало необыкновенный энтузиазм в русском обществе, пробудило надежды на ослабление самодержавия в России, развитие демократических тенденций и распространение на Россию либеральных ценностей, утвердившихся уже в Европе. Герцен приветствовал манифест Александра словами: «Ты победил, галилеянин!» — но вскоре же клеймил нерешительность императора, его непоследовательность и отступничество. Предупреждая волнения после подписания манифеста 1861 года, правительство приняло решение о закрытии Московского и Петербургского университетов на восемь месяцев: студенчество представлялось главной опасностью. Но, как не раз бывало, результат оказался прямо противоположным. Освобожденные от занятий студенты вышли на улицы с отпечатанными подпольно листовками. Содержание этих прокламаций было угрожающим. «Взять в свои руки ведение дел из рук неспособного правительства, чтобы спасти народ от истязаний», — призывала листовка «Великоросс», обращенная к «образованным классам России». В ней выдвигалось требование Учредительного собрания, конституции, устранение несовершенств крестьянской реформы, предоставление свободы Польше. Другая прокламация — «К молодому поколению» — была написана известным публицистом Николаем Шелгуновым и сотрудником «Современника» Михаилом Михайловым. Текст листовки Михайлов отпечатал в Вольной русской типографии Герцена и тайно привез тираж

в Россию.

В прокламации «К молодому поколению» говорилось: «Момент освобождения велик потому, что посажено первое зерно всеобщего неудовольствия правительством... Положив конец помещичьему праву, оно подкосило свою собственную императорскую власть... Император был крепок только помещиками... Кончились помещики, кончилось и императорство... Мы должны помнить, что имеем дело с правительством ненадежным, которое временными уступками будет успокаивать нас и из личных, временных выгод готово испортить будущее всей страны — для десяти подлецов ничего не значит счастье шестидесяти миллионов» — таким тогда было население России. Составители листовки находились под влиянием славянофильских идей и призывали не копировать того, чего достигла в своем развитии буржуазная Европа, оказавшаяся в сетях политического и экономического неравенства. Прокламация обращалась к «теньям мучеников 14 декабря» и прямо призывала к революции, к народному бунту: «Стащите с пьедестала в мнении народа всех этих сильных земли, недостойных править нами...»

Как уже говорилось, Михайлова арестовали и приговорили к шести годам каторги, а Шелгунов, поехавший вслед за ним в Сибирь, был, в свою очередь, арестован и выслан в Вологодскую губернию. Между тем отсрочка исполнения реформы вызвала беспокойство крестьян, заподозривших, что помещики просто скрыли от народа содержание царского документа, объявившего волю. По стране прокатилась волна крестьянских волнений: крестьяне, остававшиеся еще на два года крепостными, требовали объявить всё содержание манифеста. Эти справедливые требования привели к трагическим событиям в селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии. 12 апреля 1861 года около четырех тысяч неграмотных крестьян окружили там сельского грамотея, раскольника Антона Петрова, говорившего о том, что помещики скрыли царский документ, объявивший волю согласно Закону Божьему. «Бог, — убеждал он, — поставил человека владеть землей и водой, а господа отбирают землю у народа». Крестьяне роптали, но никаких насильственных действий с их стороны не было. Тем не менее по распоряжению Александра II в Бездну вызвали две роты солдат под командованием графа Апраксина. Потребовали выдать зачинщика и разойтись. Но в ответ раздались крики: «Воля! Воля! Умрем за царя!» Тогда по собравшейся толпе были даны четыре залпа, результат которых — 179 убитых, умерших от ран и тяжелораненых. Через неделю был казнен и затеявший смуту Антон Петров.

Весть о бездненском расстреле долетела до Лондона, где оппонент самодержавия Герцен заявил: «С казни Антона Петрова началась та кровавая полоса нового царствования, которая с тех пор... продолжается и растет. С этой же казни начался мужественный, неслышанный в России протест не втихомолку, не на ухо, а всенародно...» На панихиде, заказанной студентами в Казани, третьем по значению университетском центре России, выступил профессор университета, историк и публицист Афанасий Прокофьевич Щапов[27]. Он сказал, что погибшие стали «искупительными жертвами деспотизма за давно ожидаемую народом свободу», и закончил речь словами: «Да здравствует демократическая конституция! Она нужна России, а также широкое и вечное самоуправление и развитие!» Афанасий Щапов, уроженец села Анга Иркутской губернии, был хорошо известен в Сибири как сторонник ее автономии. Студенты после его речи прошли по улице с песней на слова поэта Василия Курочкина: «Долго нас помещики душили... Не найдется, что ль, у нас иного

друга Пугачева...»

На донесении казанского губернатора о происшедших в городе событиях Александр II начертал: «Щапова необходимо арестовать». Следуя «высочайшему повелению», за смелое выступление вольнодумца в сопровождении жандарма доставили в Петербург, где продержали почти четыре месяца в Третьем отделении. Находясь после освобождения под надзором, он публикует статьи по русской истории в журналах, встречается с Чернышевским, переписывается с Герценом. Все это послужило основанием для насильственного удаления сибиряка из Петербурга на родину.

В январе 1863 года началось восстание в Польше и Литве. В течение полутора лет шло жестокое его подавление, сопровождавшееся казнями сотен повстанцев и высылкой десятков тысяч их в Сибирь, на Урал и Кавказ. Эти события осложнили продолжение политики реформ в России, а вскоре и погасили последние искры надежды на них. Верноподданный сверхпатриот М. Н. Катков, в юности участвовавший в вольнодумных кружках Белинского и Станкевича, резко изменил свою позицию; теперь он клеймил Герцена и Бакунина как врагов России, присоединив к ним впоследствии и Кропоткина.

Чернышевский в статьях, публиковавшихся в журнале «Современник», раскрывал непоследовательность реформы по освобождению крестьян, доказывал неспособность монархическо-бюрократической системы к самореформированию, настойчиво развивал идею социалистической крестьянской революции. Журнал был закрыт, а Чернышевский 7 июля 1861 года арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В одиночной камере Алексеевского рavelина он пишет роман о «новых людях», готовых к борьбе за демократическое преобразование российского общества. Под названием «Что делать?» роман был опубликован в возобновленном «Современнике» в 1863 году. Признанный виновным в «принятии мер к ниспровержению существующего порядка управления» автор был приговорен к семи годам каторги и вечному поселению. После процедуры гражданской казни на Мытнинской площади в Петербурге в мае 1864 года Чернышевского отправили в Нерчинский округ. Его изоляция от России продлилась, по существу, до конца жизни; только за год до смерти ему разрешено было вернуться в родной Саратов. Так власть выкорчевывала первые ростки антиправительственного движения.

Михаил Бакунин, совершив в 1862 году дерзкий побег из сибирской ссылки, в момент Польского восстания находился в Швеции и там сформировал интернациональный отряд добровольцев, готовясь пересечь Финский залив и высадиться в Литве, в районе Паланги. Но операция не удалась, да и повстанцы к тому времени были уже разгромлены, а их предводитель Зигмунд Сераковский, схваченный карателями с перебитым позвоночником, был приговорен к смерти военно-полевым судом и повешен. Погасить пожар восстания удалось с помощью крестьянской реформы, которую министр Николай Милютин по поручению Александра II провел в царстве Польском не так, как в России, а с учетом поправок, предлагавшихся либералами. Шляхтичи, руководившие восстанием, откладывали решение крестьянского вопроса, и в этом была их ошибка.

В мае 1864 года Афанасий Щапов оказался в Иркутске. Почти в то же время вернулся из Петербурга после доклада о катастрофе с баржами на Амуре Петр Кропоткин. Конечно, он

скоро познакомился со Щаповым, который был старше его на 11 лет и опубликовал уже ряд статей. Главная идея Щапова — тесная взаимозависимость человека и природы — была очень близка Кропоткину, так же как и мысль о том, что будущее России не в централизованном государстве, а в федерации составляющих ее областей с развитым народным самоуправлением. Щапов стал работать в Восточно-Сибирском отделе Русского географического общества, но полноправным сотрудником отдела он стал лишь в марте 1866 года, а весной того же года отправился в первую свою экспедицию — на север Енисея, в Туруханский край. К тому времени Кропоткин уже вернулся в Петербург.

Несмотря на то, что Петру, когда он оказался в Сибири, шел всего лишь двадцатый год, он был хорошо осведомлен о том, что происходило в России после «объявления воли». Распространялись слухи, кое о чем сообщали газеты. Например, о том, что около пятисот рабочих забастовали на чугунолитейном заводе в городе Лысьва Пермской губернии. Бывшие крестьяне требовали повышения оплаты труда. Острее всех на события, почувствовав готовность властей отступить, откликнулись образованные люди, те, кто читал, несмотря на запрет, подпольный «Колокол». Прежде всего это были студенты. После того как по «высочайшему решению» закрылись на восемь месяцев университеты в Москве и Петербурге, студенты, не допускаясь в оцепленные полицией университетские здания, выражали свой протест на улицах, расклеивая прокламации. Их арестовывали и многих отправляли в административном порядке, без суда, в Сибирь. В это время из Лондона прозвучал призыв Герцена, обращенный к лишенным права учиться студентам: «В народ!» В распространявшейся нелегально листовке В. В. Берви-Флеровского[28] говорилось: «Идите в народ и говорите ему всю правду до последнего слова и как человек должен жить по закону природы».

«Колокол» призвал всех мыслящих, активных людей России заняться просвещением народа, живя среди него, проникнувшись его нуждами и потребностями, испытывая вместе с ним его страдания, пробуждая в нем надежду на возможность изменить положение путем борьбы. Так начался массовый исход интеллигентной молодежи в русские деревни. Юноши и девушки устраивались работать учителями в сельские школы, врачами, фельдшерами, сиделками в больницы, работали на строительстве крестьянских изб, на сенокосе, на заготовке дров. Обучая неграмотных крестьян письму и чтению, они несли с собой знание о мире и пытались пошатнуть глубоко укоренившуюся в народе веру в Богом выбранного царя, пробудить в темных, забитых, отчаявшихся людях стремление к переменам.

На протяжении нескольких лет продолжалось «хождение в народ», но постепенно оно заглохло, и не из-за преследования жандармами (хотя и это было), а просто потому, что оказалось недостаточно эффективным — тот самый народ, на который возлагалось столько надежд, в общем-то не понял и не принял юных пропагандистов, оставшись со своими бедами и верой в царя-батюшку («а как же без царя-то?»). И у особенно нетерпеливых возникала мысль, что лишь физическое устранение «священной особы», «помазанника божьего» раскроет людям глаза.

Глава вторая.

ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ

“ ...Кто испытал раз в жизни восторг научного творчества, тот никогда не забудет этого блаженного мгновения...

П. А. Кропоткин, 1899

Погружение в науку

“ Из дикого смешения фактов, из-за тумана догадок... возникает величественная картина во всей простоте и многообразии...

П. А. Кропоткин, 1899

Через пять лет после «выхода на Амур» в судьбе Петра Кропоткина произошел новый решительный поворот. Он навсегда расстался с военной службой, уволившись в отставку и покинув Сибирь. Во многом это был уже другой человек. Он признан научным сообществом как ученый, совершивший важнейшие открытия в Сибири и на Дальнем Востоке. Вопреки своим сомнениям и пессимистическим прогнозам брата Александра ему удалось сделать что-то стоящее в естественных науках.

В Сибири он распротился с иллюзиями насчет возможности преобразования общественной жизни с помощью реформ, и постепенно в нем зрело сознание необходимости коренного изменения общественных отношений. Шло формирование революционного мировоззрения, чему способствовали знакомство с исторической и социальной литературой, с книгами Прудона, Кинэ, Бокля[29], встречи с декабристами и революционерами-разночинцами, отбывавшими ссылку в Сибири, постоянное общение с простым народом: казаками, крестьянами-переселенцами, мастеровыми, каторжными и ссыльными, с людьми, наказанными царизмом, насильственно устраненными (часто — навсегда) из общественной жизни.

На восточной окраине империи он стал первооткрывателем новых земель. Но в его активе были не только 70 тысяч верст преодоленного пространства, но еще и комплекс идей и фактов, которые изменили ряд устоявшихся в науке представлений и стали существенным вкладом в науку 1860-х годов. «То было время всеобщего научного возрождения. Непреодолимый поток мчал всех к естественным наукам», — писал Кропоткин. Этот поток

увлек и его — и вынес весной 1867 года к берегам Невы, в главный научный центр России. Он оказался поначалу сильнее другого влечения — к активной общественной деятельности.

За два года до этого ученый мир отметил 300-летие Галилея. Как бы приуроченным к этому великому юбилею оказалось по-галилеевски великое открытие Джеймсом Кларком Максвеллом существования электромагнитных волн, разработка им электромагнитной теории света. В 1867 году защитили докторские диссертации климатолог А. И. Воейков[30], ровесник Кропоткина, и химик Д. И. Менделеев. А спустя два года (в 1869-м) профессор Петербургского университета Менделеев построил свою гениальную периодическую систему химических элементов. Почти одновременно с русским изданием сенсационной книги Чарльза Дарвина «Происхождение видов» появилась вызвавшая едва ли не больший интерес работа русского физиолога И. М. Сеченова[31] «Рефлексы головного мозга».

Все эти открытия в науке совершались на фоне событий, потрясавших общественные отношения. В апреле 1865 года, когда уже закончилась Гражданская война в Северо-Американских Соединенных Штатах, в Вашингтоне, на спектакле в театре Форда был смертельно ранен фанатичным защитником рабовладения Бутом президент Авраам Линкольн, возглавивший борьбу за освобождение негров. Ровно через год Дмитрий Каракозов выстрелил у ограды Летнего сада в Петербурге в Александра II. Мастеровой Осип Комиссаров толкнул его под руку, помешав попасть в царя. Каракозов — ровесник Кропоткина. Как раз в те дни, когда в Иркутске шел процесс над группой ссыльных поляков, Кропоткин читал газеты с описанием покушения. Читал о том, как крикнул Каракозов схватившим его: «Дурачье, ведь для вас же, а вы не понимаете!» — о том, как не сразу, но все же открыл свое имя и назвал сообщников — Ишутина, Худякова и еще тридцать человек, образовавших кружок под названием «Организация», — а после вынесения приговора написал прошение царю о помиловании. На нем Александр начертал: «Лично я в душе простил ему, но как представитель верховной власти я не считаю себя вправе прощать». Чувство власти сильнее чувств человеческих...

3 сентября 1866 года в семь утра на Смоленском поле в присутствии тысячной толпы Каракозов был повешен. Это была первая виселица Александра II в России, хотя к тому времени сотни их уже покрыли поля Польши. «Освободитель» обернулся «вешателем».

Выстрел Каракозова оказался неожиданным для России и не был понят ею. В ответ прозвучал сигнал к усилению реакции. Руководивший расследованием граф Н. А. Муравьев заявил, что причина каракозовского выстрела — «последствие полного нравственного разврата нашего молодого поколения, подстрекаемого и направляемого к тому... необузданностью журналистики и вообще нашей прессы». После этого начались гонения на журналы.

В те годы молодежь зачитывалась «Историческими письмами» артиллерийского полковника Петра Лаврова, написанными им в ссылке. Лавров дал свою формулу прогресса: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости...» Он провозгласил программу «перестройки русского общества» для решения социального вопроса как первостепенного, руководствуясь идеалом «свободного общежития, в котором исчезнет всякий след

государственной принудительности». Отказ от «управления человека человеком», уважение к труду, солидарность, сознание своего и чужого личного достоинства — вот к чему призывал Петр Лавров. Он был тогда «властителем дум», как, впрочем, и Василий Берви-Флеровский, социолог и экономист, много лет проведенный в ссылках, сказавший: «Идите в народ и говорите ему всю правду до последнего слова», автор «Азбуки социальных наук» — книги об основах переустройства общества на социалистических началах.

Пять лет миновало с того дня, как Кропоткин покинул столицу. Он не думал, что так скоро вернется, да и вообще тогда не думал о возвращении — но в скитаниях сибирских понял, что не сможет долго жить вдали от крупнейшего научного, культурного, общественного центра страны. Он вернулся весной того года, когда русским правительством была продана за 7 миллионов 200 тысяч долларов Соединенным Штатам Аляска, слишком далекая, чтобы ее можно было удержать в пределах империи. Тогда же успешное продвижение русских войск в Средней Азии ознаменовалось учреждением Туркестанского генерал-губернаторства, в Лондоне вышел последний номер герценовского «Колокола», а Николай Пржевальский[32] отправился в свое первое путешествие в Уссурийский край. Он двинулся из Иркутска на восток, к Амуру, через месяц после того, как Кропоткин покинул этот город.

Главное, что может дать ему Петербург, думал на первых порах Кропоткин, — университетское образование. Тогда он считал математику важнейшей из всех наук, на которой базируются все остальные, и поэтому поступил на первый курс математического отделения естественного факультета Петербургского университета.

На помощь отца надеяться не приходилось, и для добывания средств к жизни нужно было служить. С помощью Петра Петровича Семенова[33], председателя отделения физической географии ИРГО, высоко оценившего кропоткинские исследования в Сибири, он устраивается в Департамент статистики Министерства внутренних дел. Работает и учится, ходит на лекции в университет, но скоро убеждается в том, что продолжать учиться он может теперь только в процессе научной работы, в которую уже глубоко погрузился. Едва начав учебу на студенческой скамье, он издал переводы двух книг, сделанные вместе с Александром, — «Философии геологии» Дейвиса Пэйджа и «Основ биологии» Герберта Спенсера[34], следом — комментарий к популярному учебнику геометрии знаменитого педагога Адольфа Дистервега, а в «Артиллерийском журнале» опубликовал статью по высшей алгебре. В это же время он приступил к обработке обширных материалов сибирских экспедиций.

Можно было сосредоточиться на работе в Географическом обществе: сибирских материалов хватит на несколько лет напряженного труда. Многие говорили ему, что это разумнее всего: надо встать на путь научной карьеры, где успех для него обеспечен. Но князь Кропоткин — странный человек. Он не любил идти по прямой, открываемой ему судьбой дороге, всегда уходил в ее ответвления, которые уводили его вроде бы далеко в сторону от главного пути. На самом деле — и знал об этом только он один — на этих боковых дорогах и решались те главные задачи, которые он ставил перед собой. Первая его публикация в Петербурге — рецензия на статью Н. В. Шелгунова, излагавшую идеи Энгельса. Это — социология и экономика одновременно. Продолжением экономического направления стала брошюра о сельскохозяйственной выставке в Чите, а политического — репортаж о суде в Иркутске над

восставшими на Кругобайкальской дороге. Но кроме этих тем его привлекали биология и геология, география и метеорология, астрономия, математика...

Пожалуй, именно к математике, и только к ней, в дальнейшем он больше не вернется. Все остальные направления его деятельности будут продолжаться, протянувшись непрерывными нитями через всю жизнь. А вот с математикой он расстанется, сохранив, впрочем, неизменное к ней уважение. Он не стал заканчивать Петербургский университет — слишком поздно, да и научный мир Петербурга уже признал его ученым. Первоначально, впрочем, он выступает в качестве журналиста — популяризатора новейших достижений науки. Удачным был опыт публикации писем из Сибири в воскресном приложении к «Московским ведомостям». Почему бы не продолжить его в Петербурге? Редакция «Санкт-Петербургских ведомостей» охотно приняла предложение регулярно помещать обзоры важнейших научных достижений. Нужно только не ограничиваться одной какой-то областью, брать темы как можно шире.

Общий заголовок серии статей — «Естествознание». Им было предпослано общее предисловие: «В предлагаемых под этим заглавием статьях мы намерены до поры до времени знакомить читателя с наиболее интересными открытиями и исследованиями в области наук и их приложений к промышленности. Пусть читатель не думает найти здесь, при скромном объеме наших заметок, полный обзор всего интересного, что будет сделано на этом поприще, мы не будем гоняться за всеобъемлющею полнотой, а лучше постараемся дать сколько-нибудь ясное понятие о немногих предметах, чем сообщать кучу фактов, которые проскользнут в памяти без следа...» 28 октября 1867 года вышел первый номер газеты со статьей П. Кропоткина, нового научного журналиста. Она имела длинное название «Машины, приводимые в движение сжатым воздухом — Рабочая сила как товар — Доставка ее на дом, по квартирам...». Такое множество тем показывает, что естествознание тогда понимали очень широко...

В первой статье говорилось о сконструированном французским инженером Андрэ сосуде для хранения сжатого воздуха. А «рабочая сила», под которой в наши дни подразумевается совсем другое, — всего-навсего энергия пара, которую собираются «доставлять на квартиры». Речь идет о первых шагах по организации в домах парового отопления. Рассказал Кропоткин и о другом предложении: использовать сконденсировавшуюся из пара воду после фильтрации и очистки для стирки белья, а нагретый воздух, обыкновенно выбрасываемый в атмосферу еще в теплом виде, проводить по железным трубам на чердаки домов для сушки. Совсем современный подход: энергосбережение и экология...

Вторая статья в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась 18 января следующего года. Ее тема — «Воздухоплавание». Начиналась она так: «Излишне было бы вдаваться в рассуждение о том, какие перевороты в жизни человечества должны будут произойти тогда, когда воздухоплавательные снаряды, столь же послушные, как наши пароходы, будут рассекать волны воздушного океана... и уничтожатся преграды, целую тысячу лет разделявшие между собою народы». Тогда только еще ставился вопрос: «Может ли винт, подобный пароходному, привести предмет в движение, если винт вращается не в воде, а в гораздо менее плотном веществе, какое — воздух?» Но мысль человека уже работала: через 15 лет построил свой «воздухоплавательный снаряд» А. Ф. Можайский, а через 36 лет

братья Райт совершили первый полет на самолете. Кропоткин же был одним из первых пропагандистов дерзновенной идеи полета.

Из другой статьи читатели узнали о том, на каких основах зиждутся предсказания погоды, первые опыты которых провел, поплатившись за них жизнью, английский адмирал Роберт Фицрой (он покончил с собой, не выдержав нападков недовольных его прогнозами). Кропоткин вспоминает о нем, но говорит также и о новейших успехах французских метеорологов и вообще о перспективах этого важнейшего дела. Следующие статьи озаглавлены: «Влияние рубки лесов на климат страны», «Добывание кислорода из воздуха», «Успехи частичной физики».

В первой из них поставлен вопрос: допустима ли неограниченная, стихийная, бездумная вырубка лесов России? Ведь если исследовать влияние на климат близости лесов и учитывать, что уменьшение воды в ключах должно влечь за собой уменьшение ее в реках и озерах, то можно усомниться в правоте тех, кто рубит лес. Кропоткин указал на смягчающее климат влияние леса: «перемены температуры в лесу не так резки, как в поле», зимы теплее, контрасты меньше, так что климат приближается к морскому. Лес притягивает влагу, задерживает снег, способствует более равномерному его таянию. И Кропоткин выступает за более осторожный подход к проблеме хозяйственного использования леса.

Эти газетные, научно-популярные по сути, публикации интересны тем, что они намечают одно из направлений будущей деятельности ученого. Через 20 лет он возглавит раздел современной науки в английском журнале «Nineteenth Century» («Девятнадцатый век»), готовя практически для каждого номера обширные обзоры достижений науки во всем мире. Тематика статей будет исключительно широка. Так что можно рассматривать статьи в газете как своего рода «пробу пера», хотя, конечно, Кропоткин никак не мог представить себе, что когда-нибудь продолжит эти опыты, да еще в Англии...

Первые годы в Петербурге по возвращении из Сибири были наполнены множеством дел. В феврале 1868 года Петра Алексеевича избирают секретарем отделения физической географии Русского географического общества, после чего он покидает университет и заодно расстается со службой.

28 декабря 1867 года в Петербурге открылся Первый съезд русских естествоиспытателей. Участие в нем, несомненно, имело большое значение для Кропоткина — начинающего ученого. Он мог встретить на съезде, видеть и слышать выдающихся представителей русской науки — Менделеева, Бекетова[35], Мечникова, Тимирязева, Чебышева, Якоби. Он получил возможность общаться на съезде с теми, кто стал уже известными исследователями России, — Ф. П. Литке, Г. П. Гельмерсеном, геологом, профессором Московского университета Г. Е. Щуровским. Участниками съезда были и его коллеги по Географическому обществу — А. П. Федченко[36], А. И. Воейков, М. И. Венюков[37].

Открывая съезд, профессор К. Ф. Кесслер призвал к «бескорыстной, усердной работе соединенными силами для расширения и распространения естествознания в пользу и честь русского народа». Большое впечатление произвела на всех речь Г. Е. Щуровского «Об общедоступности или популяризации естественных наук». Известный геолог утверждал, что

популяризация науки становится «потребностью страны». А затем он продолжил: «Наука за свою общедоступность и популярность была бы вознаграждена в десятки лет такими успехами, какие в настоящее время едва ли возможны в целые столетия». О воспитательном значении естественных наук говорили А. С. Фаминцын и А. И. Бекетов. Всеобщий интерес вызвало сообщение Д. И. Менделеева «Заявление о метрической системе», в котором он также сказал: «Объединение народов остается мечтою мира и прогресса, но пока они не подготовлены к этому пути. До сих пор, кроме стихий, только печатное слово, торговля и наука скрепляют интересы народов. Это крепкие связи, но не всеильные. Подготавливать же связь крепчайшую обязан каждый, кто понимает, что настанет наконец желанная пора теснейшего сближения народов».

Как раз об этом думал и Кропоткин — о необходимости сочетать научную и общественную деятельность, научные достижения с общественным прогрессом. Он уже понимал, что не может замкнуться в рамках одной лишь «чистой» науки.

На последнем заседании отделения минералогии и геологии 4 января 1868 года Кропоткин сделал сообщение о построенном им с помощью инженера Зотикова сейсмомере, испытанном в Иркутске перед самым отъездом из Сибири. Не считая совершенной конструкцию этого прибора, изготовленного фактически кустарно на предоставленные Сибирским отделом Географического общества небольшие средства, он обратил внимание собрания на то, что следовало бы заняться разработкой более совершенного прибора для регистрации подземных толчков: «В таком инструменте особенно нуждается Восточная Сибирь, где землетрясения бывают часто, достигают иногда значительной силы... В Восточной Сибири наблюдения эти имеют местный геологический интерес, ибо с помощью их, может быть, разрешится впоследствии и спорный вопрос об образовании Байкала».

Он предложил установить сейсмические приборы повышенной точности на всех метеорологических станциях, а более простые — «повсюду, в каждом городе, где есть хоть кто-нибудь интересующийся естествознанием вообще». Этот призыв к организации сейсмической службы в России был едва ли не первым; прошло почти полвека, прежде чем основоположник сейсмологии в России академик Б. Б. Голицын заложил реальные ее основы.

В марте 1869 года Петр Алексеевич был избран действительным членом Петербургского общества естествоиспытателей. Он зачитал доклад о геологических исследованиях в долине Лены и на приисках Олёкминской системы, рассказав о различных горных породах, встреченных им на берегах Лены, их предполагаемом возрасте, и, как сказано в протоколе заседания, «с особенною подробностью изложил свои доводы в пользу существования ледникового периода в Сибири». Эти его данные были неожиданными, к ним отнеслись с интересом, но и с недоверием — ведь пока даже в Европе со следами древнего оледенения было не все ясно...

Эти следы не решались еще «замечать» на широких европейских равнинах, а крупнейший геолог того времени, почетный член Петербургской академии наук Родерик Мёрчисон[38] в послании английским коллегам гневно обрушивался на сторонников гипотезы древнего равнинного оледенения, утверждая, что лед не может механически воздействовать на

горные породы, выпахивать их, оставлять борозды на скалах. Кропоткин же видел эти следы своими глазами в Сибири и готовился дать обобщение своим наблюдениям. Он продолжил работу в этом направлении в ИРГО, членом-сотрудником которого состоял с тех пор, как 20 ноября 1865 года был избран в состав распорядительного комитета Сибирского отдела общества. И он решил сосредоточиться на работе в Географическом обществе, которое именовалось Императорским, потому что находилось под «высочайшим покровительством».

В Русском географическом обществе

“ Путешествия по Сибири убедили меня, что горные цепи, как они значились тогда на картах, нанесены совершенно фантастически... Эту работу я считаю моим главным вкладом в науку.

П. А. Кропоткин, 1899

Петербуржским географам Кропоткин был известен как «сибиряк». И хотя географией, геологией и этнографией Сибири занимались уже немало ученых, работы Кропоткина выделялись своей основательностью и смелостью сделанных обобщений. Его имя впервые появилось на страницах «Известий ИРГО» в 1865 году, когда этот главный географический журнал России только начал выходить. Было опубликовано сообщение, что 21 декабря 1864 года на заседании Сибирского отдела общества под председательством Б. К. Кукеля в присутствии пятидесяти трех членов отдела и пяти посторонних Кропоткин прочитал статью «О поездке из Цурухайтуя через Мерген в Благовещенск». В феврале следующего года другой доклад — «О действиях Сунгарийской экспедиции». Снова имя Кропоткина прозвучало на заседании совета в марте, когда в общество поступил отчет о маньчжурском походе, и на общем собрании ИРГО в мае, когда получена была карта маршрута экспедиции. На собрании сообщалось о следующей экспедиции Кропоткина — «в Тункинский край, для осмотра течения р. Оки».

19 января 1866 года на том же годовом общем собрании общества, на котором было объявлено о присуждении П. А. Кропоткину Малой золотой медали за его маньчжурские экспедиции, высшая награда общества — Константиновская медаль — была присуждена создателю первой геологической карты Европейской России академику Г. П. Гельмерсену, а серебряная медаль — участнику Сунгарийской экспедиции Ф. Усольцеву. Действительным членом Географического общества тогда же был избран сверстник Кропоткина Александр Иванович Воейков, с которым он начинал путь в науке почти одновременно. Но жизнь их сложилась по-разному. Воейков стал выдающимся климатологом с мировым именем, всегда оставаясь, в отличие от Кропоткина, в рамках одной науки — географии.

В 1867 году в «Известиях ИРГО» публиковались «Извлечения из путевых писем из Олёминско-Витимской экспедиции», в следующем году вышел «Краткий отчет», а полный — лишь в 1873-м. Это было завершение сибирского этапа жизни П. А. Кропоткина. А пока, уже избранный секретарем отделения физической географии общества, он печатается в

«Артиллерийском журнале» (статья по математике); в трудах Первого съезда русских естествоиспытателей, в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (обзоры научных достижений в области спектрального анализа, метеорологии, физики). Это выглядело как «поиск своей темы». И действительно, ученый находит центральное направление научной деятельности, хотя не оставляет и других, намеченных прежде.

Краткий отчет об Олёкминско-Витимской экспедиции был сделан на общем собрании 13 декабря 1867 года. На этом же заседании вице-президент общества адмирал Литке объявил о награждениях бронзовыми медалями двух тунгусов-проводников экспедиции, Степана Степанова и Константина Кудрина, которые «исполняли свои обязанности с редким усердием и честностью». Их интуиции доверился Кропоткин, и она не подвела. Помимо выполнения чисто практической задачи были получены и научные результаты. Стало ясно, что Олёкмо-Витимская горная страна делится естественным образом на две части, граница между которыми — долины рек Муя и Чульбан, шириной 20–40 верст. Кропоткин обрисовал орографию страны, предложив назвать пересеченное им на пути от Лены к приискам нагорье Патомским. Он продемонстрировал участникам собрания составленную им подробную карту гор между Витимом и Олёкмой, позволившую ему отвергнуть географическую фикцию — существование Яблонового хребта, изображавшегося до тех пор на всех картах Восточной Сибири. Верный своим принципам, Кропоткин не ограничился в своем докладе чисто географическими проблемами, но и дал ряд рекомендаций по экономическому развитию исследованной им территории. Он, например, заметил, что «равнина Муи весьма интересна как оазис» посреди горной страны и представляет возможности для хлебопашества, хотя для будущего заселения края он пока видел лишь одну побудительную причину — добычу золота. Протокол заседания заключает: «Чтение князя Кропоткина возбудило в собрании самый живой интерес и завершилось продолжительными рукоплесканиями». Это означало, что научное сообщество географов выполненную Кропоткиным работу в Сибири единодушно признало достойной самой высокой оценки.

Столь же успешно выступил И. С. Поляков[39]. Особенный интерес вызвали показанные им 200 чучел птиц из далекой тайги, среди которых были и неизвестные виды. Так состоялось рождение нового географа-зоолога, который еще не имел тогда даже гимназического аттестата. Он получил его, сдав экстерном экзамены, благодаря помощи Кропоткина, его старшего друга. Исключительно талантливый юноша так же быстро закончил университет и стал магистром зоологии. Пройдет пять лет, и его совместный с Кропоткиным отчет выйдет в свет в полном виде — книга объемом почти 900 страниц...

Наиболее активно работает Кропоткин в Географическом обществе в 1868–1869 годах. В эти два года появилось около тридцати его научных публикаций, среди них — обобщения наблюдений следов древних ледников. Состоялись и первые его полевые исследования по теме: он ездил на остров Большой Тюттере в Финском заливе, откуда поступили сообщения о том, что на берег во время бури выброшены льдины с вмерзшими в них валунами. Противники ледниковой гипотезы использовали этот факт для подтверждения своих взглядов, но Петр Алексеевич не поверил этим сообщениям и пожелал лично исследовать таинственные камни. Группа географов высадилась на небольшой эстонский остров — три версты в длину, три в ширину. В самом деле, несколько валунов лежали на берегу, и их

поверхность носила следы обработки льдами, но на них не было характерных борозд, оставляемых движущимся ледником. Вполне возможно, что эти валуны на открытом берегу действительно были «жертвами» морского льда. Но почему никто не обратил внимание на куполообразную центральную вершину этого небольшого острова? Кропоткин бегом взобрался по склону гранитного холма. Тщательно обследовав его, он обнаружил набор ледниковых «следов» — сомнений не было, потому что точно такие же купола со шрамами встречались ему в далеких Саянах. Это так называемые «курчавые скалы» и «бараньи лбы». А если снять слой ягеля, обнаружатся и оставленные ледником параллельные царапины, вытянутые в том направлении, откуда двигался древний лед.

Внимательный взгляд Кропоткина не мог этого не заметить. На объединенном заседании отделений физической и математической географии 23 сентября 1869 года энтузиаст ледниковой теории, рассказав о своих наблюдениях, заявил о новом подтверждении того, что скандинавский ледник пересекал Финский залив и продвигался на юго-восток по территории Эстонии. Пройдут годы, и научный мир признает Кропоткина главным поборником ледниковой гипотезы в России: в своих выводах он идет значительно дальше таких авторитетных геологов, как Г. П. Гельмерсен и Ф. Б. Шмидт[40]. Они осторожны в выводах, признавая возможность того, что лед покрывал лишь прибалтийские земли.

Работа в обществе захватывает Кропоткина целиком; он выступает на заседаниях отделения физической географии, как секретарь отделения ведет протоколы этих заседаний, публикует в «Известиях ИРГО» рефераты, рецензии, статьи. Тематика их разнообразна, но ощущается региональная привязка: Центральная Азия, Сибирь, полярные районы привлекают его внимание в первую очередь. Он пишет о наблюдениях буддийских монахов, совершивших путешествие через Тибет, о плавании норвежцев в северных морях, о полярном проекте австрийского картографа Августа Петермана[41], об исследованиях русских геологов Г. П. Гельмерсена и Н. П. Барботаде Марни в Европейской России, об изучении геологии Китая и Монголии (рецензия на книгу приехавшего в Иркутск американского геолога Рафаэля Пумпелли), о торговых путях между Индией и Китаем, о судьбе бывшей Русской Америки.

В ежемесячном критико-библиографическом журнале «Знание» Кропоткин опубликовал рецензию на книгу профессора Петровской академии Г. Траутшольда «Основы геологии». Его привлекло то, что автор не побоялся включить в учебник спорную гипотезу, что было не принято. Но Кропоткин убежден, что это нужно делать, поскольку гипотезы «вызывают критическую мысль». Однако, добавляет он, «решенное должно быть строго ограничено от спорного, доказанное от недоказанного». Этому принципу следует он и в своих научных работах, среди которых сибирская тема еще долго занимает центральное место.

Материалы экспедиций позволили Кропоткину прийти к широким обобщениям. Наиболее важное из них — «Общий очерк орографии Сибири», вышедший отдельным изданием в 1875 году. Это был критический пересмотр принятой наукой схемы расположения горных хребтов Сибири, утвержденной авторитетом самого Александра фон Гумбольдта. Его построение было умозрительным, «гадательным» — Гумбольдт никогда не бывал в Восточной Сибири. Кропоткин, в сущности, тоже познакомился лишь с небольшой ее частью, но он прошел как раз через те районы, где протягивались на карте Гумбольдта соединенные горными цепями

вдоль параллелей грандиозные меридиональные хребты и самый большой из них — Становой хребет, вставший «необходимым камнем» на пути казаков-землепроходцев XVII века. Кропоткин, двигаясь от золотых приисков Лены и Витима в Забайкалье, пересекал широтно направленные горные хребты и сделал вывод о том, что сверххребта не существует и что «гумбольдтова теория четырехугольных клеток, образуемых хребтами, которые идут по меридианам и параллелям, долгое время служила серьезной помехой к уразумению действительного характера Восточно-Сибирского, вернее Восточно-Азиатского, нагорья».

Используя все имевшиеся тогда данные о горной системе Восточной Сибири, Кропоткин построил собственную орографическую схему. Интуитивно он представил себе строение огромной территории, как будто ему удалось увидеть ее сверху, с борта космического корабля. Он понял, что главную роль в строении всей Северной и Восточной Азии играют не горные цепи, а высоко поднятые плоскогорья. Более двух лет ушло у него на построение новой, собственной схемы расположения горных систем Восточной Сибири. Он собрал большой объем данных о барометрическом давлении во множестве пунктов, нанес вычисленные им высоты на карту участника Амурской академической экспедиции С. С. Шварца. «Затем последовали месяцы упорной мысли, чтобы разобраться в хаосе отдельных наблюдений. Наконец, все разом внезапно осветилось и стало ясно и понятно...»

Так был сделан первый шаг к раскрытию действительной картины рельефа азиатского материка, а конкретнее — восточной его части. Кропоткин надеялся прийти к очень широким обобщениям и изучал материалы по рельефу различных регионов. В его архиве сохранились рукописи статей «Горная цепь северо-западного края Сибирской платформы», «Горные страны побережья Тихого океана», «Геологические исследования Восточной Сибири». В частности, была задумана большая работа, посвященная Байкалу и его горному обрамлению. Вот названия параграфов плана этой статьи, озаглавленной «Байкальские горы и озеро Байкал»: «От В. Ангары до Баргузина», «От Баргузина до р. Селенги», «Западная часть Байкала», «Долины Уды, Хилка и Никоя», «Верхнеудинск и Селенгинск», «Страна устьев Селенги и Култука»... Судя по плану, предполагалось особо рассмотреть климат и времена года на Байкале, строение дна, волнение, возможности плавания, рыбной ловли и охоты, ледовые условия, внутренние движения воды, флору и фауну, а также административное и хозяйственное значение Иркутска и других околбайкальских населенных пунктов. Замышлялась и комплексная страноведческая работа. Но главным образом его интересовало взаиморасположение горных хребтов (орография) Восточной Сибири и всей Северной Азии; ему хотелось найти закономерность в хаотическом их переплетении, в котором не смог разобраться даже Гумбольдт.

В том же томе «Записок ИРГО», где напечатан обстоятельный «Общий очерк орографии Сибири», появился «Орографический очерк Минусинского и Красноярского округов Енисейской губернии». На объединенном заседании отделений физической и математической географии, состоявшемся 2 октября 1873 года, Кропоткин продемонстрировал составленную им карту рельефа юга Енисейской губернии и такие же карты для юга Восточной Сибири и части Монголии. На этом заседании он был включен в комиссию по присуждению золотых медалей общества. К этому времени он уже состоял членом целого ряда комиссий: по проекту проведения Кумо-Маньчжурского канала, по

изучению предложения Н. А. Северцова об экспедиции в Среднюю Азию (в Кашгар и на озеро Каракуль), по снаряжению экспедиций в Амурский и Уссурийский края, для выработки программы исследований Петербургской и Олонецкой губерний, предложенной его старым другом И. С. Поляковым, по проведению нивелировки (то есть измерения высот и уклонов земной поверхности) Сибири...

Метеорологические наблюдения, проведенные Кропоткиным в Сибири, стали серьезным вкладом в науку о погоде. Вместе с шестью другими географами он подписал 2 февраля 1869 года прошение на высочайшее имя об учреждении метеорологической комиссии при отделении физической географии.

Конец 1860-х годов ознаменовался становлением метеорологической службы в России, за организацию которой взялся назначенный в 1867 году директором физической обсерватории швейцарец на русской службе Генрих Вильд[42]. Появилась плеяда талантливых климатологов: А. И. Воейков, В. П. Кёппен, М. М. Рыкачев. На этом этапе развития метеорологии в России определенную роль сыграл и Кропоткин. В 1868 году, когда в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась его статья о прогнозах погоды, ведущие русские метеорологи и климатологи делали самые первые шаги в науке. Кропоткин же прибыл в Петербург с обширным багажом собственных метеорологических исследований в неведомых горах Сибири. Он участвует в заседаниях метеорологической комиссии, на собраниях отделения выступает при обсуждении тем, касающихся проблем метеорологии и климатологии. Его высказывания часто неожиданны. Например, он возражает Н. М. Пржевальскому, предположившему, что причиной высыхания озера Ханка является проведенная там вырубка леса. Не только Ханка, но все озера Восточной Сибири, говорит Кропоткин, уменьшаются в размерах, и объясняется это общим климатическим характером переживаемого нами геологического периода. Так впервые прозвучала его идея о послеледниковом высыхании Евразии, к которой он вернется через много лет в докладе, прочитанном в Королевском географическом обществе в Лондоне.

На другом заседании, говоря об исследованиях на Сахалине геолога И. П. Лопатина, доказавшего промышленное значение угольных месторождений на острове, он обращает особое внимание на то, что исключительно большое снегонакопление на Сахалине делает необходимым организацию там постоянных метеорологических наблюдений.

В обширной монографии известного статистика академика К. С. Веселовского «О климате России», вышедшей в 1857 году, использованы все имевшиеся к тому времени материалы метеорологических наблюдений на территории Российской империи. Но в этом труде нет раздела об атмосферном давлении, о нем даже вообще не упоминается. И не потому, что автор не понимал значения этой важнейшей характеристики состояния атмосферы в формировании погоды и климата — уже были открыты определяющие погоду области пониженного и повышенного давления, созданы первые карты «барического рельефа». Просто измерений атмосферного давления в России было слишком мало, а те, что имелись, оказались несравнимыми: они делались от случая к случаю, в разное время, по непроверенным приборам.

Чутье прирожденного естествоиспытателя подсказало Кропоткину, что именно барометрические измерения являлись в то время главным звеном в развитии науки о погоде. Вопросы распределения барических «ям» и «гор» (минимумов и максимумов давления) и обусловленных ими ветров, изменчивость этих характеристик погоды и климата во времени занимают его в большей степени. Впервые Кропоткин берет с собой барометр для постоянных измерений атмосферного давления во время плавания по реке Сунгари, не обходится без барометра и во всех последующих походах по Сибири. Сотни измерений сделаны им лично. Было понятно, что и новые расчеты недостаточно точны. Кропоткин убеждается в необходимости проведения точных определений высот метеорологических станций — это сделает сравнимыми измеренные на этих станциях величины атмосферного давления и можно будет широко использовать барометрический метод и в геоморфологии, и в метеорологии.

В январе 1872 года директор Главной физической обсерватории Г. И. Вильд предложил провести нивелировку всей территории Сибири. Кропоткин поддержал проект, и ему вместе с Вильдом поручено было отредактировать окончательный вариант программы этой грандиозной работы. Позднее Петр Алексеевич занялся проблемой выявления атмосферного давления на больших территориях по данным измерений в отдельных местах. Для решения вопросов орографии Сибири необходимы были сведения о высоте горных хребтов над уровнем моря. Единственным же способом их получения было «барометрическое нивелирование», то есть определение высоты места на основе сравнения его атмосферного давления с окружающим «фоном». Известно, что атмосферное давление зависит от высоты места над уровнем моря. Столкнувшись с плохой сравнимостью данных об изменении давления в разных пунктах, Кропоткин специально занялся разработкой системы приведения атмосферного давления к единому уровню отсчета и вывел свою формулу, расчеты по которой оказались недостаточно точными. Просто он забежал вперед и на основе небольшого объема данных пытался сделать точные выводы, прийти к широким обобщениям. Но времени этим расчетам он отдал немало. Его работа в области метеорологии и климатологии, менее известная, чем другие грани его научного творчества, занимает свое место в истории науки о климате и погоде. С этой темой он тоже не расставался всю жизнь, периодически возвращаясь к ней как в России, так и в эмиграции.

Кроме метеорологической Кропоткин входил еще в несколько комиссий ИРГО. В комиссию «для выяснения нужд Амурского края» он был включен как знаток края и проблем его населения. В комиссию по проведению нивелировки Сибири (определению высот земной поверхности по данным измерений давления воздуха барометром) он вошел как один из первых исследователей, испытавших этот метод. Еще он занимался проблемой организации экспедиций Н. А. Северцовым[43] и его другом И. С. Поляковым и вопросом о проектируемом Кумо-Маньчском канале на Северном Кавказе, который соединил бы бассейны Черного и Каспийского морей.

В 1870 году отмечалось 25-летие Русского географического общества. Петр Алексеевич выступил с рядом предложений. Он, к примеру, высказался за создание обобщающего труда «Землеведение России», а наряду с ним — серии книг по образованию и самообразованию в области географии. Он предложил установить премии за труды по географии России, а также за учебники и лучшие географические очерки для народных школ. На основе

предложений Кропоткина Географическое общество приняло решение о том, чтобы содействовать появлению «обширного систематизированного труда, который представлял бы полное географическое описание России, Европейской и Азиатской, в отношении физико-географическом, этнографическом и статистическом». Это был грандиозный замысел Кропоткина, который он, несомненно, осуществил бы, если бы остался в Географическом обществе. Подобная работа была выполнена П. П. Семеновым-Тян-Шанским; спустя 30 лет появилось многотомное издание «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». Трех десятилетий упорного труда потребовала эта работа, в какой-то мере воплотившая в себе кропоткинскую идею. Эти 30 лет у Кропоткина были наполнены преимущественно другого рода деятельностью. Но в начале 1870-х годов, не предвидя близкого поворота в судьбе, он еще оставался географом.

Во второй половине XIX века усилилась активность в Арктике экспедиций из разных стран. Их руководители были вдохновлены идеей немецкого картографа Августа Петермана о существовании в центральной части Северного Ледовитого океана открытого моря, свободного от плавучих льдов. Предполагалось, что через это море можно пройти в Восточную Азию и в Америку. Петермановская идея вызвала к жизни ряд крупных предприятий. 17 марта 1870 года на заседании отделения физической географии сибирский золотопромышленник М. К. Сидоров предложил провести изучение возможностей плавания по Северному Ледовитому океану к устью Печоры и дальше на восток. После него выступил секретарь отделения П. А. Кропоткин, представивший рефераты о характере мурманского берега, о развитии китобойного, моржового и трескового промыслов, о поселениях норвежцев в Русской Лапландии. Закрывая обсуждение возникшей в обществе «полярной темы», П. П. Семенов сказал, что Географическое общество не имеет возможности снарядить экспедицию для исследования океанических течений и берегов на севере из-за отсутствия средств, оно только может выработать проект такой экспедиции и привлечь к участию в нем не только частных лиц, но и правительство. Была создана комиссия, в которую вошел и Кропоткин. Ему, секретарю отделения, поручалось составить подробную записку, которая содержала бы в себе научную программу экспедиции.

Большой полярный проект

“...На крайнем севере находится... ключ к решению некоторых из главных вопросов молодой и лишь недавно оцененной по достоинству науки, Физики земного шара.

П. А. Кропоткин, 1871

Доложенный на заседании Императорского Русского географического общества кропоткинский проект «экспедиции в русские северные моря», хотя он и не был осуществлен, занимает значительное место в истории исследований Арктики. До него крупнейшим исследовательским предприятием России была Великая Северная экспедиция в XVIII веке. Тогда за десять с небольшим лет (1733–1744) были нанесены на карту побережья всех омывающих территорию России морей Северного Ледовитого океана.

В 1763 году, через два десятилетия после завершения этой уникальной работы, М. В. Ломоносов составил записку «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показания возможного прохода Сибирским океаном в восточную Индию». Поиск прямого пути для судов из Европы в Азию представлялся Ломоносовым как главная цель экспедиции, которая должна была провести и научные исследования, в первую очередь изучить законы дрейфа льдов через Сибирский океан. Проект был утвержден Екатериной II, повелевшей выделить на экспедицию 20 тысяч рублей. В соответствии с ним первую попытку проникнуть в центральную часть океана предпринял капитан первого ранга (впоследствии адмирал) В. Я. Чичагов, действовавший в соответствии с представлением Ломоносова о том, что в районе Северного полюса должно быть встречено свободное ото льда море. Корабли Чичагова достигли в 1766 году 80°30′ северной широты, но, столкнувшись с непроходимыми льдами, повернули назад. В рамках этой экспедиции была организована научная станция на Шпицбергене — первая в истории исследования этого полярного архипелага.

Последующие крупные исследования Арктики, соизмеримые по значению с Великой Северной экспедицией, произошли лишь полтора столетия спустя. В 1876–1877 годах вдоль берегов Сибири, с зимовкой у Таймыра, прошла до Берингова пролива шхуна «Вега» Адольфа Эрика Норденшельда, а в 1893–1896 годах во время трехлетнего дрейфа «Фрама» Фритьофа Нансена совершилось пересечение всего Полярного бассейна. Этим важнейшим предприятием (первое — норвежское, второе — шведское, хотя оба с русским участием) предшествовал грандиозный, без преувеличения, проект Русского географического общества, составленный молодым тогда географом П. А. Кропоткиным и изданный впоследствии отдельной брошюрой. Он был, по существу, первым российским планом комплексного изучения Арктики.

В докладе использованы материалы членов комиссии, но в основном он написан П. А. Кропоткиным. Это была наиболее полная к тому времени комплексная программа полярных исследований, предвосхитившая то, что было сделано в 30–40-е годы XX века, когда совершился массовый научный штурм Советской Арктики. Уже в начальных фразах доклада содержалась заявка на достижения грандиозной цели: «Как океан, так и разбросанные среди Северного Ледовитого океана открытые до сих пор острова остаются большей частью совершенно неисследованными. Здесь далеко не сделаны даже самые первые шаги в познании нашей планеты. При первой мысли о северной экспедиции возникает длинный ряд научных вопросов...» До того времени побудительными мотивами полярных путешествий были изыскание морских путей через льды или открытие новых земель. Теперь впервые ставилась задача геофизических исследований. При этом в понятие геофизики или Физики земного шара Кропоткин, вслед за А. Гумбольдтом, впервые употребившим этот термин, включал, по существу, все науки о Земле.

Работая над докладом о программе полярной экспедиции, Кропоткин рассмотрел всю историю полярных путешествий. Им процитированы труды Скоресби, Мартенса, Вайпрехта и других полярных мореплавателей, в том числе русских, внесших большой вклад в исследование омывающих берега Сибири морей Северного Ледовитого океана. Из отчетов о путешествиях выбраны сведения о климате, морских течениях, состоянии льдов, растительном и животном мире. Кропоткин вспоминал: «Трудно себе представить, какое количество работы может выполнять в короткое время здоровый человек, если напряжет

все свои силы и прямо подойдет к каждому вопросу. Я засел за работу и просидел над нею, выходя только обедать, две с половиной недели...»

23 февраля на объединенном заседании отделений математической и физической географии было заслушано сообщение генерала Колпаковского о съемке карты озера Иссык-Куль и обнаруженных им при этом под водой остатках древних каменных построек. Потом после краткого вступительного слова вице-президента общества П. П. Семенова началось чтение Кропоткиным записки «Экспедиция для исследования русских северных морей».

В качестве основной проблемы, вставшей перед полярными исследователями, рассматривалось изучение Северного Ледовитого океана, омывающего берега России «на протяжении 170 градусов долготы». Преимущественно это берега Сибири: ее просторы, должно быть, представлял себе Кропоткин, читая проект. «Как океан, так и разбросанные среди него открытые до сих пор острова остаются большею частью совершенно неизвестными, — говорил докладчик. — Пространство, лежащее к северу от линии, проведенной через северную оконечность Новой Земли, Новосибирские острова и южные берега Врангелевой Земли (так называлась предполагаемая суша, на месте которой позже был открыт остров Врангеля. — В. М.)... остается нам так же неизвестно, как и скрытая от нас часть поверхности Луны, во всяком случае, менее, чем поверхности ближайших к нам планет...»

Поскольку заседание затянулось до позднего вечера, оно было прервано и продолжено в пятницу, 26 февраля. Тематика экспедиции отражена в сорока восьми главках, на которые разделен доклад. Одна из первых — «Наблюдения за качанием маятника» — предполагает проверку теоретического вывода Ньютона о сжатии Земли у полюсов путем проведения измерения в высоких широтах длины дуги градуса меридиана. Спустя 30 лет, на границе XIX и XX веков, эти измерения были проведены совместной российско-шведской экспедицией.

* * *

«Вопросы земного магнетизма» — название следующего раздела экспедиционного проекта Кропоткина. О магнитном поле Земли он пишет как об «одном из трудно поддающихся объяснению явлений», причины которого «теллурические и даже космические». Планировалось измерять магнитное склонение для составления необходимых в мореплавании карт, а также изучения магнитных бурь и полярных сияний.

Несколько глав доклада посвящены океанологическим проблемам. Исследование приливов и отливов, распределение в Северном Ледовитом океане глубин и морских течений, в особенности распространение теплых ветвей Гольфстрима на восток — все это было включено в план экспедиции. Кропоткин предполагал, что теплые воды Гольфстрима проникают восточнее Новой Земли, огибая этот архипелаг с севера. На запад направляется холодное течение, несущее с собой дрейфующие льды. Обнаружив замедление его скорости в пространстве между Новой Землей и Шпицбергенем, морской офицер Н. Г. Шиллинг еще в 1865 году предположил существование неоткрытых участков суши. Его поддержал П. А. Кропоткин, в своем докладе говоривший: «Вряд ли одна группа островов Шпицбергена была

бы в состоянии удерживать огромные массы льда, занимающие пространства в несколько тысяч квадратных миль... Не представляет ли это обстоятельство... право думать, что между этим островом и Новой Землей находится еще не открытая земля, которая простирается к северу дальше Шпицбергена и удерживает льды за собой». Через два года австрийская экспедиция под руководством Ю. Пайера и К. Вайпрехта на судне «Тегетгоф» во время двухлетнего дрейфа случайно наткнулась на острова, названные по имени престарелого императора Австро-Венгрии Землей Франца-Иосифа — хотя с большим правом они могли носить имя Кропоткина, предсказавшего существование архипелага, как говорят ученые, «на кончике пера».

В докладе было также высказано предположение «о возможной суше на востоке океана, берега которой отражают общее течение полярного моря и направляют его к востоку, в проливы Северо-Американского архипелага». Это могла быть Северная Земля, обнаруженная в 1913 году — таким образом, Кропоткин предсказал и это открытие. Завершая раздел о течениях, он подчеркнул «необходимость совместного исследования теплого и холодного течений», их взаимодействия.

Важнейшей частью экспедиционного проекта были климатологические исследования. Метеорология была хорошо знакома П. А. Кропоткину; он регулярно выполнял наблюдения в своих сибирских экспедициях, опубликовал статью о прогнозах погоды в газете «Санкт-Петербургские ведомости». В своем докладе о проекте полярной экспедиции он говорил: «Метеорология крайнего севера так любопытна и мало исследована, случаи зимовки так редки, что, возможно, подробные наблюдения необходимы». Предполагалось организовать зимовочные метеостанции на Новой Земле, а также в устьях Печоры и Оби, которые вели бы наблюдения одновременно со шведской метеостанцией на севере Шпицбергена.

В программе говорится также об изучении условий образования морского льда, современного оледенения и следов ледникового периода, особенно интересовавшего Кропоткина. Он ставит вопрос об исследовании современного оледенения на островах Северного Ледовитого океана для разработки теории сплошных ледниковых покровов, «без которой так и не объяснимы были бы ледниковые явления на всем севере Европы». Не обойдены были также вопросы геологии, палеонтологии, палеогеографии, изучение флоры, фауны, минеральных ресурсов Новой Земли и других арктических островов, сохранившихся следов пребывания на них русских промышленников.

Еще на одну важнейшую задачу полярной экспедиции указал в своем докладе Кропоткин — «пробуждение интереса к северу». Он говорил: «Привлечь внимание общества к северу и искоренить слишком укоренившиеся ложные представления и о ничтожности его промышленных сил...» Кропоткин отмечал, что о приполярных странах отсутствуют даже самые общие сведения: «Мы не можем сказать даже, что ожидает мореплавателя уже в незначительном расстоянии от сибирских берегов: необъятная ли масса грязно-зеленых вод, переполненных микроскопическими водорослями, где сортируются течением продукты таяния занесенных издалека и нагруженных илом ледяных гор... или та же масса вод, но постоянно скованная толстыми ледяными покровами, с их сказочными игольчатыми столбами, образовавшимися на линиях соприкосновения вступающих в борьбу могучих льдин с их ледяными и солеными торосами, усыпанными нежным кружевом снежинок,

осаждавшихся в виде замерзшего тумана; или же, наконец, там расстилаются молчаливые материки, с их темными скалами, которые изрыты могучими ледниками и оторочены снегами, с их обширными зеленовато-синими ледяными полями, с их птицами, прилетающими из далекого юга гнездиться на прохладных берегах больших озер, с далеко отброшенными и самобытно развивающимися, от прочих сородичей, млекопитающими и человеческими племенами... Только берега этого обширного пространства сколько-нибудь известны нам... Ознакомление с этим океаном, сопровождающееся научными исследованиями... затрагивает такие обширные и разнообразные вопросы из наиболее важных, для общего склада мышления, отраслей человеческого знания, и такие важные отрасли народного богатства, какие едва ли может затрагивать изучение какой-либо другой местности земного шара...»

Кропоткин обращает внимание на то обстоятельство, что прежде, в XVII и XVIII веках, русские промышленники и путешественники достигли огромных успехов в освоении Севера, как европейского, так и сибирского. Он вспоминает отважные походы поморов на Грумант (Шпицберген), где обнаружено уже более двадцати заброшенных русских зимовий, особенно знаменитого «шпицбергенского патриарха» Старостина, проведшего на архипелаге 40 зим подряд, зимовки русских промышленников на Новой Земле и основание русской колонии в Америке, не только в проданной за бесценок Аляске, но и в Калифорнии, «где ныне цветет Сан-Франциско».

С горечью говорит он об «отсутствии усилий со стороны общества и правительства к распространению сведений о северных странах». Исследования привлекли бы на Север смелых, предприимчивых научных деятелей, а с ними и внимание общества к забытой окраине. «Горе тому народу, — восклицает он, — который в эпохи, когда по ходу его истории гражданский героизм становится редкостью, не имеет своих героев на другом, всегда открытом поприще — поприще науки...»

Проверив ледовые условия в районе Новой Земли, экспедиция должна будет стараться проникнуть возможно далее в восточном направлении, чтобы удостовериться в возможности как дальнейшего плавания на Восток, так и плавания к устьям сибирских рек. Это была, по сути, мысль о Северном морском пути, развивавшаяся впоследствии многими русскими учеными и мореплавателями. Кропоткин имел в виду не только возможную экономическую пользу, но и общественное значение такой экспедиции, ее воздействие на духовную жизнь народа.

Все эти задачи, как полагал автор доклада, невозможно решить одним-единственным плаванием — потребуются многолетние исследования и снаряжение целого ряда экспедиций. Первая из них должна быть разведочной — на двух парусных шхунах ей следует провести рекогносцировку Карского моря, определить возможности плавания к востоку от Новой Земли и подготовить основную экспедицию, цель которой должна быть уже «исключительно научная и преимущественно географическая» — говорится в заключительной части доклада. Она должна быть рассчитана не менее чем на два года и не исключать возможности зимовки.

Доклад, сделанный Кропоткиным, был одобрен ИРГО. Один только адмирал А. А. Посыет усомнился в своевременности столь грандиозного проекта, заметив, что сначала надо исследовать побережье Мурмана и Белого моря. Однако план научной экспедиции поддержал авторитетнейший член общества академик А. Ф. Миддендорф. Совет ИРГО направил проект в Морское министерство, порекомендовав назначить Кропоткина начальником экспедиции. После долгих бюрократических проволочек средства на экспедицию так и не были выделены. Если бы эта экспедиция состоялась, России достался бы приоритет в исследовании центральной части Северного Ледовитого океана, были бы открыты новые острова, включая Землю Франца-Иосифа, существование которой к северо-востоку от Шпицбергена предположили Шиллинг и Кропоткин. Совсем по-иному могла сложиться и судьба самого Петра Алексеевича: избежав ареста и эмиграции, он, возможно, продолжал бы свою деятельность в Русском географическом обществе и стал бы одним из известнейших русских ученых. Надо сказать, что, оказавшись за границей, он живо реагировал на первые результаты исследований, проведенных в Северном Ледовитом океане экспедициями Норденшельда и Нансена, и опубликовал статьи о них в английских журналах «Nature» и «Nineteenth Century».

Ученые, знавшие о равнодушии высших чиновников империи к научным проблемам и, в частности, к исследованию северных морей, пытались подготовить своего младшего коллегу к предстоящему разочарованию. Среди них был и академик Миддендорф, писавший в своем отзыве на доклад Кропоткина: «Поздравляю комиссию и составителя отчета с обстоятельным и столь научным разбором вопроса о необходимости экспедиции в русские северные моря и лишь сожалею о том, что прошлым летом не состоялась даже ни одна разведочная экспедиция. Снимают сливки другие, а наши, запоздав, засядут, пожалуй, в ледниках менее благоприятного климатического периода...» Он предупреждал, что суровые условия работы экспедиции могут поставить под сомнение ее успех: «На крайнем севере природа до жестокости не жалуется человека, силою ничего не возьмешь, а всё терпеливым выжиданием удобного случая...»

В ожидании решения правительства о финансировании экспедиции предполагаемый полярный исследователь решил отправиться в другую экспедицию, о которой мечтал еще в Сибири, — проверить свои идеи о былом распространении оледенения там, где когда-то прошел древний ледник.

В ледниковом периоде

“ Я видел, как в отдаленном прошлом, на заре человечества, в северных архипелагах... скоплялись льды. Они покрыли всю Северную Европу...

П. А. Кропоткин, 1899

30 апреля 1871 года на заседании отделения физической географии ИРГО Кропоткин выступил с предложением организовать поездку в южную часть Финляндии и Швеции с целью изучения следов ледникового периода. Эти места уже стали знаменитыми среди

геологов разных стран: здесь представлены особенно полно ледниковые отложения, в том числе длинные, вытянутые гряды, по-шведски «озы», происхождение которых вызывало споры ученых.

«Ни один из геологических периодов не имеет, конечно, такого значения для физической географии, как ближайший к нам ледниковый и послеледниковый», — начал ученый изложение своего плана. Эта мысль была с ним еще во время экспедиции в Саяны, не оставляла его и на Витиме, где встречались явные следы ледникового периода. А теперь нужно доказать, что валуны вынесены на равнины России не волнами моря, а могучими ледниками, спускающимися со Скандинавских гор. Собрано уже немало доказательств гипотезы. Оставалось лишь побывать в тех местах, откуда лед начинал свое движение на юг — в самой Скандинавии, сохранившей наиболее зримые и неоспоримые следы былого оледенения.

«Отделение выразило, что находит предполагаемые исследования полезными и любопытными» — так было записано в протоколе заседания отделения физической географии. Предложение вынесли на заседание совета общества, и 14 мая оно было одобрено. Петр Алексеевич Кропоткин ехал в Финляндию и Швецию, намереваясь вернуться сразу, как только станет что-нибудь известно о судьбе Северной экспедиции. Председатель отделения Ф. Р. Остен-Сакен обещал немедленно сообщить ему о принятом решении. Поездка в Швецию означает для Кропоткина знакомство с местными геологами, досконально изучившими следы «великого ледника», а также с полярными исследователями, посвятившими не один год работам в Арктике, среди современных ледников.

Вместе с Кропоткиным отправились три выдающихся геолога того времени: профессор Горного института, первый директор Геологического комитета России академик Г. П. Гельмерсен, известный палеонтолог и геолог академик Ф. Б. Шмидт, с которым Кропоткин встречался в Иркутске, и финский геолог М. П. Ребиндер. Все трое были оппонентами молодого и чересчур увлекающегося, с их точки зрения, геолога-самоучки. Еще двумя годами ранее Кропоткин опубликовал рецензию на книгу Гельмерсена «Исследования об эрратических валунах и о делювиальных образованиях России». В этой книге была нарисована картина затопленной в ледниковый период Европы, к северу от которой поднимался один только остров — Скандинавия. По Гельмерсену, ледники существовали только на этом высоком острове.

Не все из споривших хорошо представляли себе природу ледника и условия его существования. Никогда не бывал на леднике и Кропоткин. Его экспедиционный опыт исчерпывался Сибирью, но там он видел издалека ледники Саян, а главное, сумел разглядеть исчезнувшие ледники прошлого, оставившие следы в виде морен, валунов, отполированных и исцарапанных льдом скал, проложенных потоком движущегося льда долин — узких, с крутыми краями, похожих на корыта.

У водопада Иматра все участники путешествия согласились в том, что, как ни велика сила воды, воздействие ее на породы ничтожно. Работа могучих ледников намного основательнее, ее следы заметнее. Дальше Кропоткин продолжает путь один. Из

Финляндии он перебирается в Швецию, где особое внимание обращает на исследование Упсальского оза, обнаружив неопровержимые признаки ледникового происхождения этого вытянутого на 200 километров вала. В Стокгольме он встретился с исследователем Гренландии и Шпицбергена Адольфом Эриком Норденшельдом — он на десять лет старше Кропоткина. Одна лишь экспедиция в Гренландию могла бы прославить этого человека, первым среди ученых поднявшегося по склонам Гренландского щита, первым увидевшего настоящий ледниковый покров, подобный тому гигантскому древнему леднику на севере Европы, о котором так много спорили.

Кропоткин рассказывал знаменитому шведу о Сибири, где Норденшельд с молодых лет мечтал побывать. Еще по окончании университета он с отцом съездил на Урал. А на следующий год был готов план путешествия по Сибири и Камчатке, осуществлению которого помешала Крымская война. Если бы не это и не очередное неосторожное выступление на университетском торжестве по поводу присвоения ему докторской степени, то, как знать, быть может, он пересек бы великие сибирские реки и встретился бы с Кропоткиным где-нибудь в Иркутске или Чите. И, может быть, они вместе рассматривали бы образцы редкого сибирского камня норденшельдита, который нашел Кропоткин на Патомском нагорье; минерал был назван именем отца Адольфа Эрика, всемирно известного минералога Нильса Густава Норденшельда. И тогда Норденшельд мог бы и не стать полярным исследователем, — сибирских материалов хватило бы надолго. Но судьба сложилась иначе. Шпицберген и Гренландия обратили Норденшельда в «полярную веру». Сибирь он, впрочем, не забыл — мечта о ней нашла воплощение в плавании парохода «Вега» вдоль северных берегов Сибири в 1876–1878 годах.

В сопровождении известного палеоботаника Ленарта фон Поста Кропоткин побывал на специальных геологических выставках в Стокгольме и Гётеборге. Разобравшись со шведскими озами, он возвращается в Финляндию, в город Або (ныне Турку) на юго-западной окраине страны, окруженной лабиринтом бесчисленных Аландских островов. При взгляде на эти сотни мелких островов и несчетное число шхер, едва торчащих из воды округлыми маковками, у него появилось представление о только что возникающем материке, о рождении тверди земной из хаоса волн. Но посетить архипелаг так и не удалось.

Таммерфорс (Тампере), расположенный на берегу озера Илеярви, — следующий пункт путешествия. Здесь начиналась «озерная Финляндия», изобилующая ледниковыми отложениями, где все напоминало ему о грандиозных ледниках, создавших современный рельеф страны. Поднявшись над озерной областью, Кропоткин оказался на плоскогорье, почти лишенном следов былого оледенения. Причину он видел в густом лесном покрове, скрывающем валуны и «бараньи лбы». С похожей ситуацией он уже встречался в Сибири.

Из города Куопио он отправляет в Петербург, в Географическое общество, свое пятое и последнее письмо из Финляндии, в котором обращалось внимание на сходство ландшафтов этой страны с восточносибирскими. Особенно поражает его, что, как и в Сибири, многие следы ледникового периода маскируются в лесных зарослях. Это укрепляет его представления о всеобщности проявлений ледникового периода в Северном полушарии.

Тем временем пришел ответ из Морского министерства: специальная комиссия сочла проект полярной экспедиции Русского географического общества недостаточно обоснованным, а Министерство финансов отказалось предоставить средства для осуществления проекта. Кропоткин узнал об этом не сразу, хотя задержка с ответом говорила о том, что отрицательный ответ весьма вероятен. Он шел версту за верстой. Вот уже 70, 77, 79-я верста — и примерно столько же рисунков обнажений горных пород.

Холодный осенний день 17 сентября был последним — с вечерним поездом он уехал в Гельсингфорс. И еще одно письмо было направлено в Петербург — ответ на предложение принять на себя обязанности секретаря ИРГО, полученное от уходящего в отставку барона Федора Романовича Остен-Сакена[44]: «Я положительно отказываюсь от секретарства — по той же причине, что и Вы, не хочу обрекать себя на дрязги и побегушки. Всякое общественное дело, даже социальная революция, конечно, сопряжено с дрязгами; но у нас они должны быть иного характера. Я не знаю, что побуждает Вас так спешно отказываться, но полагаю, что не количество работы, как я сперва думал, — верно, вышла какая-нибудь неприятность; а что неприятность вызвана не Вами, а неумением наших сановитых председателей или кого бы то ни было действовать, как подобает людям, в этом я тоже уверен. Если Вы, с Вашим милым характером, должны были дойти до разрыва, то я, верно, дошел бы еще скорее; а на год братья за дело не стоит. Впрочем, вообще говоря, оставляя в стороне частные случаи, я не гоюсь для полуправительственного ученого общества. Тут все — экспедиции, денежные средства и т. п. — держится на „такте“. У меня его мало, а больше я не хотел бы приобретать.

Нечего и говорить, что должность секретаря большого ученого общества — прекрасная должность, что здесь можно быть полезным географии, если не народу... А потому быть ученым секретарем такого общества я считал бы для себя не только приятным, но даже лестным. Наконец, обеспеченное, постоянное жалованье есть для меня очень много; я знаю, что я вернусь теперь с 10 пенни и, кроме долгов обществу и кучи работы по финляндской поездке да еще остатков по витимской экспедиции, кроме этого — ничего впереди. Все это я очень хорошо прочувствовал, но независимость дороже хотя бы здоровья, а должность секретаря нашего Общества, без тысячи мелких случаев, где надо жертвовать своею независимостью, чувством равенства и т. п. — без этого она не может обойтись. В этом случае, мне кажется, игра не стоит свеч.

В Вашей телеграмме есть одна фраза, которая заставила меня задуматься, — именно, что Вас надо выручить из затруднительного положения. Вот Вам моя рука, что ради этого я готов сделать что необходимо. Если Вы окончательно сожгли корабли, то мой отказ Вас не удержит. Если нет никого, кому сдать документы сегодня, то, вероятно, его не будет через месяц, два, три. Если же приищется кандидат, отсутствующий в настоящее время, который вернется через один или два месяца, а Вам тошно оставаться секретарем и этот месяц, то я готов нести какую хотите обязанность, на определенный срок, до приезда такого-то. В случае, если бы я ошибался и у Вас не вышло никакого разрыва, а Вас утомила масса работы, то я готов быть Вашим помощником за 300–400 руб. Но постоянно якшаться с высочайшими и полув высочайшими председателями Общества, комиссией, министерствами и т. д. и т. д., бросить для этого чисто научные занятия, — и все это только для того, чтобы смазывать, даже не двигать, машину, работа которой приносит такую отдаленную пользу

человечеству и такую микроскопическую — право, не стоит. Конечно, и Риттер, и финляндский делювий еще менее приносят пользы, но тут хоть личная независимость сохраняется. Может быть, я и ошибаюсь, но я так представляю себе должность секретаря в Географическом обществе»[45].

О главной причине отказа Кропоткин, естественно, умолчал. А дело заключалось в том, что он не надеялся, что сможет совмещать работу пропагандиста антиправительственных идей с работой на официальной должности в императорском обществе, председателем которого был великий князь Константин, брат царя.

20 сентября, вернувшись в Гельсингфорс, Кропоткин получил телеграмму, сообщившую о тяжелом, предсмертном состоянии отца. Наутро он выехал в Россию. Экспедиция осталась незавершенной — ему не удалось дойти пешком вдоль железной дороги до Петербурга с геологическими исследованиями. В Москве он успел только к отпеванию Алексея Петровича, происходившему в церкви Иоанна Предтечи в Староконюшенном переулке, той самой, где Кропоткин был крещен при рождении. По завещанию отца Петр получил в собственность одно из трех его имений — Петровское в Тамбовской губернии. Он съездил туда, познакомился с крестьянами, уже десять лет как «вольными», но воли еще и не видевшими. Экономическая несвобода опутала их не меньше, чем крепостная зависимость. На помещичьей земле работали арендаторы, и имение продолжало давать доход. Его можно было продать. Кропоткин решил сделать это, когда понадобятся деньги для дела, которому он посвятит жизнь (после его отъезда из России имение было взято под государственную опеку).

Встреча с Москвой пробудила в нем воспоминания о детстве, и виднее стали изменения, произошедшие в барском «Сен-Жерменском предместье». Дворянская молодежь была охвачена стремлением к образованию, к науке, а многие включались и в народническое движение, ставившее целью обновление общественного строя в России. Эти два направления умственной жизни, противоречащие, казалось бы, друг другу, развивались параллельно, о чем красноречиво поведал Кропоткин в своих воспоминаниях:

«Наука — великое дело. Я знал радости, доставляемые ею, и ценил их, быть может, даже больше, чем многие мои собратья. И теперь, когда я всматривался в холмы и озера Финляндии, у меня зарождались новые, величественные обобщения. Я видел, как в отдаленном прошлом, на заре человечества, в северных архипелагах, Скандинавском полуострове и в Финляндии скоплялись льды. Они покрыли всю Северную Европу и медленно расползлись до ее центра. Жизнь тогда исчезла в этой части Северного полушария и, жалкая, неверная, отступала все дальше и дальше на юг перед мертвящим дыханием ледяных масс...

В то время вера в ледяной покров, достигавший Центральной Европы, считалась непозволительной ересью, но перед моими глазами возникала величественная картина, и мне хотелось передать ее в мельчайших подробностях, как я ее представлял себе. Мне хотелось разработать теорию о ледниковом периоде, которая могла бы дать ключ для понимания современного распространения флоры и фауны, и открыть новые горизонты геологии и физической географии.

Но какое право имел я на все эти высшие радости, когда вокруг меня — гнетущая нищета и мучительная борьба за черствый кусок хлеба?

Знание — могучая сила. Человек должен овладеть им. Но мы и теперь уже знаем много. Что, если бы это знание, только это, стало достоянием всех? Разве сама наука тогда не подвинулась бы быстро вперед?»[46]

С этими мыслями вернулся Кропоткин в Петербург, где его ждал новый поворот в судьбе.